

**АЛЕКСЕЙ
ШЕРСТОБИТОВ**

**НЕПРИКАЯННЫЙ
АНГЕЛ**

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ЛИКВИДАТОР»

Алексей Львович Шерстобитов

Неприкаянный ангел

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23318766

Неприкаянный ангел: Книжный мир; М.; 2017

ISBN 978-5-8041-0895-4

Аннотация

Новая книга Алексея Шерстобитова стала продолжением вышедшей год назад его книги «Шкура дьявола». Герои, знакомые читателю по первому роману легенды преступного мира 90-х Леша Солдата – Весна, Татьяна, генерал Силуянов, тетушка Элеонора – стали главными действующими лицами и этого произведения.

О чем новый роман? Жанр его определить непросто: тут и великолепно выстроенный острый сюжет, в котором задействованы спецслужбы и тайные организации, и мир криминала с его жестокими законами, и личные переживания, и религиозно-философские размышления. И все это – на фоне горнего мира светлых ангелов и падших духов, ведущих непримиримую войну за каждую человеческую душу.

«Можно сожалеть, но нельзя ничего поменять»-пишет автор в предисловии к «Шкуре...». В новой же книге он как бы задался целью опровергнуть себя самого: его главный герой – он сам – находясь в многолетней коме, путешествует в сопровождении

Ангела-Хранителя между земной юдолью и вечной жизнью, борется за то, чтобы получить из рук Бога «второй шанс», возможность выбрать другой путь и в этом мире, и в загробном. И лучшее средство для этого, как пишет автор, «взгляд со стороны... не только на кого-то, но и на себя самого, и, прежде всего, глазами тех, кто когда-то был тебе близок и дорог». Тогда и свершается одна из тайн мироздания: преобразование человеческой души, ее анабасис, очищение и восхождение к жизни вечной. Этот путь и проходит «неприкаянный дух» Леши Солдата.

А противоречие между тем, что «нельзя ничего поменять» и свершившимся преобразованием души – кажущееся. Конечно, прошлое неизменно, но можно изменить, исправить свою будущую участь – к этому и стремится автор, призывая к тому же читателя.

Исправление – это возвращение к впитанному с молоком матери тому чистому нравственному, что было заложено в нас Богом. Вернуться к истокам, к началу пути – значит попробовать заново, но уже с имеющимся опытом. Конечно, он не гарантия, поскольку поток, в который входит пользующийся вторым шансом, не будет прежним и приобретенное не сможет быть панацеей, но только вехами, показывающими направление движения. Этот дар не будет легче прежней жизни. Но нужно ли задумываться об этом начинающему путь? Первый маяк виден, и раз его кто-то поставил, то до него можно дойти. Дорогу преодолеет только идущий.

Содержание

Предисловие	6
Пролог	10
Кто я?	15
Наглядное пособие	31
Татьяна	54
Старые знакомые	66
Шеломо Пинхас	98
Взросление	122
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Алексей Шерстобитов

Неприкаянный ангел

© Шерстобитов А.Л., 2017

© Книжный мир, 2017

Предисловие

Трудно поверить в перевоспитание или перевоплощение человека, тем более, когда считается, что примеров мало. С недоверием относимся мы к людям, потерявшим наше доверие. Я более чем уверен, что только внутреннее перестроение, предпринятое самим человеком, причем по собственной воле и помощи Божией, может привести к реальным результатам.

Что нужно, чтобы это произошло? Почему человек не сделал этого раньше, хотя мог и имел время? К чему это приведет? Можно ответить, что на все воля Божия, а можно сказать, что человек этот до этого времени не знал и видел, как сделать так, что бы стать похожим на исправившегося. Скажу вам по собственному опыту – второй взгляд принадлежит людям способным замечать в любом, тем более оступившемся, все, что угодно, кроме хорошего. При этом они обычно добавляют: «Какой молодец, просто талант, так тонко играет, столько сил прикладывает, и все получается будто по-настоящему! Вот он, достойный и истинный победитель!»

Так и хочется поинтересоваться у них: «Если не верите, то откуда знаете, как это должно выглядеть? И неужели, если бы это получилось по-настоящему, то далось бы просто, а добившийся такой победы, стал бы проигравшим?!».

Этот роман – продолжение «Шкуры дьявола». Думая, как

бы яснее и доходчивее показать со стороны моменты, всплывающие в нашей памяти будто из прошлого и строящиеся в нашем воображении, в возможном настоящем, я пришел к выводу, что лучшее – это действительно «взгляд со стороны». При этом не только на кого-то, но и на себя самого, и прежде всего, глазами тех, кто когда-то был тебе близок и дорог.

Я постарался это сделать, так, чтобы стали известны не только разговоры, поступки, но и мысли и рассуждения людей, причем с тем, что об этом думают и как на них реагируют в мире духов.

Что может из увиденного преобразить человека, сделав его способным нести в этот мир хорошее и доброе? Что из него, уже достигшего зрелого возраста, нужно убрать, а что привнести? Кому это делать?

Я осмелился представить на этих страницах одну из тайн мироздания, касающуюся души человеческой. Именно она, пришедшая к раскаянию, но оторванная от покаяния, дабы избежать ошибки в попытках искупить сделанное в прошлом, проходит путь от забвения своей личности к полному возвращению памяти о ней. Путь этот прокладывает свободная воля «неприкаянного духа» в соответствии с волей Создателя, по переживаниям за судьбы близких, когда-то людей, живущих с памятью о человеке, душа которого ищет и жаждет. Они живут своей жизнью, повлиять на которую он не может. Но это, при всем желании, не входит в его задачи.

Душа вне покаяния, вне мира человеческого, вне всего материального, могущая получить возможность искупления, но только при одном условии...

Его и предстоит узнать бесплотному страждущему духу, при этом не погибнуть и успеть вовремя. Уйдя в небытие подсознания, каким можно вернуться? И что потом с этим делать? Все по порядку. И начинать придется с воспоминаний, кем он был; осознания, кем стал; что к этому привело; и, как следствие – что может избавить?

При написании последних строк, я задумался: «А был ли он другим? Может исправление – это и есть возвращение к впитанным с молоком матери предрассудкам, то есть тому чистому нравственному, что было заложено в нас до появления рассудительности, чему первые из попутчиков сомнение и подозрение?»

Вернуться к истокам, к началу пути, не значит не повторить прежнего, или становиться лучше – это значит попробовать заново, но уже с имеющимся опытом. Конечно, он не гарантия, поскольку поток, в который входит пользующийся вторым шансом, не будет прежним, а значит, приобретенное, не сможет быть панацеей, но только вехами, показывающими направление движения. Этот дар не будет легче прежней жизни. Но нужно ли задумываться об этом начинающему путь? Первый маяк виден, и раз его кто-то поставил, значит, до него можно дойти. Дорогу преодолет только идущий.

Но об этом уже в следующей книге...

С уважением,

Алексей Шерстобитов.

Пролог

Верным друзьям посвящается

Как-то мой друг Владимир, очень хороший и добрый человек, рассказал мне о своем небольшом наблюдении. Работает он хирургом, хотя давно мог бы стать и главным врачом. Никогда не поменяет он возможность оперировать и спасать людей на что-то другое. Потому и небогат до сих пор, зато вполне счастлив! Кроме врачебных талантов у него есть и дар наблюдательности.

Однажды мы разговорились на предмет наличия души в человеке. Не то чтобы он был очень верующим, но книга «Очерки по гнойной хирургии» Войно-Ясенецкого, святителя Луки, стояла в его кабинете в первых рядах, как и другие произведения того же автора. Мы вспомнили и это. Задумавшись, он многозначительно произнес:

– А ведь я видел... Она есть!

– Что именно, Вов?

– Душа...

Мой друг никогда не был мистиком, но тут его захлестнули давно мучившие его мысли, которые он и озвучил, зная мое серьезное к этому отношение.

Нет тайны в том, что люди отходят в мир иной и с хирургического стола, и с реанимационной койки, и из «кареты

скорой помощи». Это те случаи, когда врач – профессионал, имеющий огромный опыт и личный свидетельский архив подобных случаев, – может, обобщив, сделать вполне определенные умозаключения.

Конечно, читатель слышал или читал сам о подобных размышлениях на тему попыток взвешивания души. Мол, тело становится сразу после смерти легче на несколько грамм. Наверное. Но то, что рассказывал мой друг, выглядело несколько иначе.

С институтских лет он задался вопросом: «Почему, медицинская точка зрения, предрекающая однозначно выздоровление после сделанной операции, иногда оборачивается ошибкой прогноза? И почему, казалось бы, не имеющий шансов поправиться человек невероятным образом встает на ноги за несколько дней, вместо того, чтобы упокоиться?»

Ответов он так и не получил. Медицина до сих пор так и не может найти многому объяснений. Тогда Владимир Васильевич попытался разглядеть возможные внешние признаки до, во время и после операции. Но вместо них обнаружил преобразование человека в момент, «когда душа исходит из тела».

Впервые это заметив, он не спал ночь, к утру поймав себя на мысли, что не сможет успокоиться, пока не увидит этого сна. Конечно, он не желал смерти никому, но настраивал себя не забыть пронаблюдать этот момент.

Шли годы, вопросы оставались, но были и выводы. Вот

один из примеров:

– Лех, ты когда-нибудь ел фаршированную щуку?

– Конечно, а что?

– Если сравнить внешний вид живой щуки и потом её, набитой вкусным фаршем, шкурки – это то же самое, что человек до и после смерти, за отрезок времени в течении нескольких секунд. Причем эту разницу в состоянии заметить только наблюдавший преобразование. Невероятно, но это факт!

– Не понял...

– И понимать нечего! Я был ошарашен этим первый раз уже после того, как закончил оперировать, шов наложил... В общем, почему-то встал над ним и посмотрел на лицо. Знаешь, так смотрел, будто в глаза, представляя, что они открыты... И вдруг кожа буквально чуть расползлась и снова собралась, только собралась так, как будто отдала влагу, выпустив вместе с ней, через поры что-то парообразное, но не видимое. Словно поры эти выдохнули, а вдохнуть не смогли... Я как-то сразу понял – жизнь из него ушла! Но был не прав! И понял это позже. Мы пытались его «заводить» около часа, и все получалось – сердце работало, он даже дышал сам, цвет кожи менялся. А потом снова: бах и застыл. Так несколько раз.

Потом я только понял, что не жизнь его покинула – душа! Жизнь уходит после... За эти года, я наблюдал это десятки раз, и всегда одно и то же! Ты воочию видишь, как душа покидает тело. После этого я понял, что именно называют пра-

хом и почему...

– Может, показалось?

– Не-а! Я даже теперь могу представить, глядя на живого, как он может выглядеть без души. Лелик, с нами это обязательно будет...

– Это точно... надеюсь, если такое случится со мной в твоём присутствии, то это тебя не испугает! А если серьезно, то ведь не у всех же это происходит одинаково?

– В самую точку. Я думал над объяснениями. И вот к чему пришел. Бывает, выражение лица после... ну... этого вызывает положительные чувства, будто тело мучило душу, и, расставаясь, оба остались довольны. А бывает... бывает, понимаешь, что, в общем, наоборот! И тогда даже смотреть неприятно...

Смотришь и понимаешь... в общем... что здесь смерть оставила отпечаток своего лица, отражающего как раз тот момент, когда она увидела погибельное состояние души, а увидев, сама ужаснулась...

– Ннн-дааа... и третьего не дано?

– Дано! Я такое один лишь раз видел...

– В смысле?

– Не знаю, как тебе это обрисовать. Ну, такое ощущение, глядя на лицо, что... ну, представь себе кожу как бы одеждой. Так вот, ее в стирку сдали, а заберет ее хозяин или нет – не понятно. Лежит она, аккуратно сложенная, вычищенная и поглаженная, но без хозяина – просто стопка шмотья... Я

интересовался у одного батюшки, он мне странно так ответил. Мол, так выглядят те, кто могут вернуться...

– Неприкаянная душа? А они разве возвращаются? Тела-то гниют, а в чужое...

– Бывает так, что не успевают, и тогда... на все воля Божия!

Этот разговор состоялся за два года до моего ареста, а через три мой друг увидел второй раз не только покинутое тело, в которое могла вернуться душа, но и... Об этом лучше подробнее.

Кто я?

Как вы думаете, что будет чувствовать человек при полном изменении физических условий своего существования? Невозможно в полной мере ощутить себя рыбой в воде или птицей в небе, разумеется, с оставлением интеллекта, разума и души. Хотя некоторые и возомнят себя способными на это, и даже успешно смогут рассказывать о предполагаемых подробностях пару часов, расписывая в чудесных красках свои впечатления и эмоции.

Так о войне рассказывают новобранцы, ни разу не нюхавшие пороха. Но и после нескольких лет, долгих и страшных, проведенных в постоянных сражениях, в войсковом быте и на грани возможного, впечатления эти по описаниям могут отличаться, так же, как и сами индивидуальные особенности рассказчиков...

Я скажу вам, что почувствовал, оказавшись не в другой стихии, а в другом измерении, а может мире. Другими словами там, где каждому из живущих придется побывать, в подавляющем большинстве своем – мельком, то есть как бы выглядывая через иллюминатор самолета во время недолгого перелета.

Не могу сказать, насколько это большое пространство, мне кажется, бесконечное, к чему привыкнуть я так и не смог, поскольку здесь все относительно. До Создателя тут

рукой подать, потому что Он везде, но, с другой стороны, – Он не достигаем, как и не достигаем в глубине нашей души, хотя это и есть Храм Его.

Кто-то гибнет, лишь взглянув на свет, исходящий от Его величия, а кому-то всегда доступно взирать на Его Лик.

Здесь я всего несколько недель по земным меркам, и узнал это из чужих слов, или, точнее, мыслей. Это время мною никак не использовалось, я ничего не смог понять, осознать тем более.

Странно звучит, но я не представляю, как я выгляжу и на что похож. Наверное, на что хочу я, или смотрящий на меня. Мое объёмное состояние похоже на фантомные ощущения калеки в области потерянной конечности. Материи словно нет, но я ее чувствую. Может быть, остались бегающие нейроны по путям сообщения от мозга до нервных окончаний, но только пути, а не сами нервные волокна. В этом промежуточном мире привычной для людей, плоти нет – это мир духов...

Никаких физических ощущений: ни боли, ни приятного, ни внешнего воздействия от, скажем, дуящего ветерка, только тепло или прохлада. Я понял, что их воздействие перекладывается на эмоциональную составляющую: когда тепло – мне спокойно, но лишь почувствуется легкая прохлада – появляется неудобство, довольно быстро переходящее в опасение и дальше в страх от непонимания.

Охватывающее тепло сопровождается очень легкой, еле

заметной радостью во взгляде моего проводника или согля-
дательная, а может... он ощущается мне очень знакомым, причем
давно, что сопровождается необъяснимыми потугами сове-
сти извиниться перед ним. Я чувствую себя непоправимо ви-
новатым и очень обязанным. Он это знает, но никогда не ка-
сается этих чувств, напротив, всем своим видом показывая
готовность быть моим чуть ли не слугой. Никогда раньше не
видел такого смирения и терпимости, такой любви, располо-
женности и немного навязчивой предусмотрительности, буд-
то он, зная каждый мой шаг заранее, пытается предотвратить
возможную ошибку.

Такое впечатление, что он всю жизнь проработал моим
хранителем, а может даже создал меня, настолько пугающе
хорошо он знает наперед не только мои желания, но и мысли.

Когда я чувствую прохладу, его неизменное, приветли-
во нейтральное выражение лица, больше похожее, по зем-
ным меркам, на лик – да лик и есть! – меняется. Краси-
вый, нет, великолепный, до бесконечности прекрасный, уди-
вительный, поскольку нельзя сказать, юноша это или девуш-
ка.

У людей такого не бывает, обязательно найдется асим-
метрия или какой-то изъян, причем изъян как зеркало внут-
ренних порока, страсти, греховного навыка, пусть и побед-
денного, но все же. Так вот, этот лик, будто становится ка-
менным щитом, изваянным из слоновой кости. Выражение,
правда, не меняется, поскольку я еще ни разу не видел ни од-

ной эмоции этого существа, а вот что-то внутреннее принимает заряд, обратный положительному. Может быть это пока так, я ведь еще не научился видеть то, что не дано землянам. Мы понимаем мимику и жесты, но совсем не различим гнев или восторг, если прикрыть человека маской безразличия, а между тем – это сильнейшие эмоции, способные своей энергетикой сдвигать не только «смоковницу или гору в море», но менять траекторию планет и возвращать время вспять... если уметь.

Причина такой перемены мне пока не известна, как и то, что я из себя представляю; что я тут делаю... и вообще, «тут» – это что?

Конечно, некоторые мысли есть. Надо заметить, что это все, чем я обладаю сейчас, и знаете – это очень много! Я начал ценить их, и даже уважать, а ведь раньше не обращал внимания даже на помыслы, отпускал вожжи, а потом уже не мог освободиться от навязчивости некоторых, развивавшихся до уровня фобий. Могу сказать, в чем причина сегодняшнего моего к ним отношения. Здесь мысли материализуются. Конечно, не так, как в прежнем мире, в виде чего-то осязаемого, а скажем, чтобы куда-то попасть, достаточно подумать о необходимости этого, и если причина веская, с точки зрения этого мира, то все происходит мгновенно. Проблема в том, что адресность совершенно другая, поэтому, чтобы вернуться, надо знать куда. Со временем умение это приходит, а точнее, даруется сразу, а вот осознается трудно.

Кстати, времени здесь тоже нет, о нем даже понятия не имеют. Здесь всегда «сейчас», где бы ты ни оказался.

Так вот, не стану распространяться о хитросплетениях своих попыток понять хоть что-то в первое время – вначале, попав сюда, я и думать боялся. И совсем потерялся в своем страхе, когда рядом со мной появилось это существо. Мне было настолько страшно, что я горел изнутри, испытывая одновременно то же, что голодные, испугавшиеся и люди, падающие с большой высоты, скорее всего, на асфальт.

Что-то отдаленно напоминающее я ощущал давно: все, что осталось из прежнего мира – это память об ощущениях. Тогда я был в состоянии это перебороть, правда настал день, когда эта возможность иссякла. Но то была, может, миллионная доля, обрушившегося сегодня целиком. Первая мысль, резанувшее сознание пополам – ад!

И я был не далек от действительности, хотя бы тем, что здесь не рай, и уже не прежняя жизнь!

Я стал НЕПРИКАЯННОЙ душой, а мой попутчик, кажется, Ангел, возможно, когда-то при крещении, мне преданный, как Защитник и Хранитель, а возможно просто приставленный на какой-то случай, в виду инструкций. Я благодарен ему, первые три дня происходило что-то с тем, что окружает мою душу. Безусловно, тело появилось, но я не в состоянии его опознать как нечто, имеющее точную конфигурацию. Оно эфемерно и плотно одновременно, оно имеет

размеры и форму, но мне они не ясны, возможно, в силу моего непонятного положения.

С моим другом-попутчиком мы еще ни разу не говорили, но часто обменивались мыслями. Впрочем, я пытался произнести звуки, но поначалу думал, что забыл, как это делать, впоследствии же понял, что это невозможно ранее знакомым мне образом. Хм... через три дня я будто обрел слух, и оказалось – звуки есть. Они приятны, буквально вводят в состояние эйфории, они похожи, скорее, на желание... бесконечное желание отблагодарить Того, Кому предназначены. Теперь я понимаю, что это мелодия эмоций, часть из которых звук.

Песнь Ангелов – они излучают ее постоянно. Странно, что в ней нет перерывов, как на земле, для набора воздуха в легкие. Эта песнь не просто красивая – это музыка чего-то безгранично величественного, идущая ни откуда в никуда.

Ничего нигде не происходит просто так, всему есть причина. Имеется она и всему происходящему здесь, но мне не дано понять и даже предположить почти ничего из сейчас ощущаемого. А значит, или не нужно, или рано, или... – на все воля ЕГО.

Итак, я «неприкаянная душа». А это значит, что находящаяся, как правило, между жизнью и смертью. Нет, не так. Это душа раскаявшегося грешника, желающего встать, или уже вставшего, на путь покаяния, но не так, как необходимо для прощения. «Прощение» – здесь ключевое понятие, ибо

я могу быть прощен, но не сейчас, и не здесь. Здесь будет только решаться, дадут мне на это шанс или нет. Одно «но» – никто не знает, что для этого нужно сделать!

Конечно, сегодняшнее мое состояние, не погрешность, ни в коем случае, не исправление ошибки, коих Провидение вообще не совершает, хотя бы потому, что прошлое, настоящее и будущее для Него всегда «сейчас».

Наверное, то, что произошло со мной, бывает в случае, когда творение Божие, в связи со своей ограниченностью и испорченностью, не в состоянии чего-то осознать, обрести, развить, для чего нужны определенные условия. Вот и создаются они, кому через удар молнии, кому через врожденные увечья, кому через трагедию, или испытания, кому по молитве, кому через клиническую смерть, а кому через «неприка-янность». Если я смогу выйти из этого состояния, то что-то поняв, по всей видимости, а одних слов и увещеваний, такому как я недостаточно, то будет продолжение. Какое и где? – не известно. Сколько у меня времени? – Здесь его нет, хотя я всегда думаю о Страшном Суде, понимая теперь, что он неизбежен!

Но раз нет времени, значит, и для меня мое нахождение здесь будет ограничено, чем-то другим. Возможно событиями, происходящими на земле, где покоится в коме мое брэнное тело, о чем я не знаю, поскольку основная память моя осталась месте с ним.

Наверное, если помнить о нем, то захотелось бы увидеть

его, а если честно, то не столько саму плоть, сколько тех, кто приходит ее навещать, если это, конечно, происходит. Это была бы глупость, отталкивающаяся от чего-то близкого к гордыне и тщеславию, здесь встречающихся редко, и то лишь у падших ангелов, от которых веет неприязненным холодком, сопровождающимся жадными взглядами в мою сторону. У этих-то эмоции через край, как и намерений, и ненависти к человекам, и безнадежности в отношении своего будущего на Страшном Суде пред ликом Создателя. Хотя им всего-то нужно покаяться...

Не помня и не зная этого, я часто в надежде каких-то объяснений о прошлом, а ощущение, что оно существовало, гнездится где-то в глубине меня самого, обращаю свой взор на своего попутчика. Он всегда свеж, с точки зрения земной. Всегда благорасположен, всегда занят, его стремление бесконечно в своей цели – он всегда устремлен к Создателю, даже, когда не обращен к Нему. Так «говорит» он сам, хотя для меня это не совсем понятно, ведь единственное, что я вижу – это его внимательный, благоговейный, любящий лик.

Это существо заранее знает, что мне нужно. Опережая ход моих мыслей, он вплетает в них уже готовые ответы на только формирующиеся вопросы, благодаря чему обдумываемое никогда не прерывается. Я уже привык к этому, и теперь кажется, что так было всегда. Кто знает, может быть, и было, ведь здесь нет тех зависимостей, что были на земле. Здесь все неплотское, то есть все, что касается плоти отсутствует,

мало того кажется нормальным, да и может ли быть по-другому, когда Ангелы есть не что иное как духи!

Впрочем, я замечал одну необходимость – жажду. Это, конечно, невозможно понять, исходя из внешних факторов, как на земле, но поскольку мы связаны духовно, то я многое ощущаю из того, что в нем происходит, а он, соответственно, воспринимает мои эмоции как свои. Мы долго привыкали к этому, поскольку я никогда ранее подобного не чувствовал, и даже сначала не знал, как на это реагировать. Он же эмоций не испытывал вовсе, и сегодняшнее явилось для него тяжелейшим испытанием. Хотя, что для него тяжесть? Это нам приходится стараться хотя бы понять, что такое «уповать на волю Божию», он же по-иному существовать не пробовал, хотя здесь существует уверенность, что Господь создал их способными к греху.

Мне не многое оставили из земной памяти. Кажется, будучи землянином, невозможно представить себе существо без потребностей физиологических, я в этом уверен. Наверняка, не испытывший ни разу чувства к женщине ущербен, почти проклят или за что-то наказан. Да мне и сейчас, по крайней мере, пока, не совсем понятна его мононацеленность на любовь к Создателю. При этом я понимаю, что он любит и меня, как создание, как частичку, как образ, хоть и испорченное, но подобие Бога, и все то, что Господь милостиво оберегает и лелеет во мне, даже когда не имеет взаимности.

Мы старательно обходим тему моего здесь предназначения и еще несколько подобных вопросов. Лишь однажды, я задался целью продолжить свои размышления в этом направлении, но там, где есть тайна, есть и ее целесообразность!

Слыша раз от раза аккуратно и осторожно вкладываемые: «На всё воля Его!» или «Господь милостив в своё время!» – я понимал, что не готов осознать ответ, и если бы он даже был озвучен, то пользы принес бы мало.

Просто смириться и стать терпеливым, когда окружающее буквально связано этим – другого не оставалось. Но ведь так было не всегда!

Уф! Для меня здесь много ограничений, возможно, только сейчас, да и вообще, ведь я для местных обитателей полуфабрикат – уже не там, на земле, но еще и не по пути в Небеса. Застревают здесь единицы, и далеко не каждому даётся, как мне, Ангел.

Лишь только я подумал об этом, как он дал понять: «Скоро» – из чего я мгновенно осознал, что близится окончание части пути, пока ничего не значащего и ни к чему не ведущего...

Я больше ощущал теплоту и благорасположение спасительного духа, чем осязал его. Мне хотелось воспринимать его в привычном образе, и было совершенно не интересно, каков он по-настоящему. Кстати, это понятие здесь выглядит смешным, поскольку иного и не существовало – настоящее

только здесь, а еще точнее, чуть выше, куда я попасть, по понятным причинам, не мог. Настоящее, потому что вечное!

Попутчик согрел меня своим белым сиянием, настолько ярким и чистым, что четкие контуры скрывались, если вообще существовали. На него хотелось смотреть, всегда быть рядом, иметь, что-то с ним общее, что не позволит различиться никогда. Его взгляд не стыдил, хотя имел на это полное право, не давил, не возвышал себя надо мной. В нем не было самоуверенности, надменности, строптивости, или напротив – лести, слабости, заискивания. Я видел лишь любовь и решительность, все остальное было чуждо этому взору.

Наши природы были различны, хотя изначально Господь и создал их имеющими, как я уже писал, возможность грешить. Поддавшись этому, первым пал самый прекрасный из ангелов – Денница. За ним последовали легионы других восставших, но падшие заведомо знали свою участь, и исход битвы был решен скоропостижно.

Воля Господня, совершенно неотступная, неизбежная, неосознаваемая, вершится моментально, хоть и кажется часто затянутой и несвоевременной. Почувствовав что-то происходящее в сознании, неожиданно душа моя возрадовалась очередным переменам, с пониманием вступления в новую ступень предназначенного. Ангел обнял меня чем-то, похожим формой на крылья, при этом совершенно не изменившись сам. Мгновенно вокруг меня, будто прозревающего,

начали проступать непривычные картины, заполнившие сразу все пространство.

Впервые я ощутил муку этого могучего существа, причины чему объяснить сразу не смог. Волнение захлестнуло мою неустойчивую сущность. Он молился, и, делая это неистово, все так же продолжая сиять и лучить светом любви и праведного воздаяния. Постепенно, через него и я начал воспринимать не то, что видели мои глаза, а происходящее в душах – я прозрел.

Теперь я видел, что борьба между духом, душой и телом каждого человека, попадающего в поле зрения, почти всегда заканчивалась предпочтением падшего ангела защитнику. Я с ужасом осознал – это земля, а то, что я видел сейчас – слившиеся оба мира: тот, в котором прозябало мое тело, и та промежуточная часть, между землей и Небом, мира, преодолеваемого душами усопших в мгновение по пути к мытарствам.

У редкого человека эти три субстанции, дух, душа и тело, были единоклассны. Как правило, это были дети или старики.

Каждого из людей обступали несколько суетливых, почти бесформенных существ. Одни изрыгали проклятья и хулу на Бога, буквально заставляя делать то же самое каждого. По пути к сознанию несчастного они могли принимать вид весьма красивый и приятный, вполне походя на полезное и нужное, при этом часто пользуясь воображением.

Другие создавали видения, одно непотребнее другого,

обещали ублажить похоть, уластить, выполнить любую прихоть, уверяя, что это необходимо и важно. Наиболее искусственные, закрываясь личинами приличными, приятными и сластолюбивыми, льстивым голосом убеждали принять их помощь, ибо другого пути к спасению или улучшению нет, и быть не может!

Рядом, пылая в молитвенном рвении, кружил Ангел-Хранитель гибнущего существа. Создаваемый им вихрь мешал сосредоточиться бесам, срывал их личины, вразумлял, но все, что он мог, что ему было дозволено сейчас – запретить Именем Господним переступать попущенное ради спасения души испытуемого.

Это блистающая купина громогласно вырезала на створках сердца своего подопечного заповеди, от текста которых отражалось, как от щита, большинство предпринимаемого темными существами. Но многие, поддаваясь на ухищрения, прикрывали их, принимая желаемое телом и страстями за действительно необходимое, а многого и не требовалось!

Лишь чуть зацепив ум человека, чтобы он лишь слегка затуманился, что позволяло дальше преподносить предлагаемое уже не столь скрыто и не так изворотливо, они часто легко добивались своего.

Терпеливо и убежденно слуги сатаны уверяли сомневающегося и предоставляли уже увлекшемуся желаемое, искусственно раздувая получаемое приятное наслаждение от того, на что раньше он бы и не посмотрел. Запустив свой коготь в

коросту сердечную, они создавали навык, постепенно убеждая в первостепенности и в первоважности этого увлечения, на деле бывшего лишь пагубной занозой, кровоточащей на субстанции души.

Ангел призывал к совести, она вопияла, но глух становился увлекшийся и требующий все большего наслаждения, становясь рабом, мелочи и гадости. Служить, принятым страстям приходилось исправно. Уже не удовлетворяясь малым, ранее принятым, несчастный начинал искать наиболее подходящие из них, в конечном итоге принимая все подкладываемые.

Но не вездесущи темные силы! Как только истерзанный оставался один, хотя бы, на малое время, Ангел, призывал на помощь святых угодников, и молитвы удесятерялись, врачуя милостью и любовью.

Человек задумывался, получая облегчение, приходил к церкви, к мыслям спасительным, но часто не был внимателен и вдумчив, даже когда получал веру в необходимость и неизбежность своего спасения, и попадал снова под действие своих врагов, по испорченности своей принимая их друзьями.

Охватившая нервозность и неуверенность внесли свои коррективы в происходящее со мной. Я привык к быстрому сосредоточению своих мыслей, но сейчас собраться не мог, и прежде всего, в виду отсутствия ясной близкой цели, я вообще не понимал, что и зачем я здесь делаю. Зачем становлюсь

очевидцем того, через что проходил сам, и теперь понятно, что не столько я соблазнялся, сколько совращали успешно, без особого напряжения, пользуясь моими же слабостями, воспринимаемыми мною за силу.

Быстро привыкнув к происходящему, понимая, что сие не коснется меня, я начал любопытствовать, очень желая понять, как же все-таки можно противостоять, и как отбить душу грешника, хотя бы на время дав ей передышку.

Стоило захотеть вникнуть, и возможность была предоставлена. Происходящее в этой ситуации казалось нормой, будто по-иному никогда и не было. Как-то обыденно, по бытовому, проистекала бурлящая жизнь нового измерения в слиянии с остатками понятия о прежней. Ужасно, но я начал воспринимать эту, уже кажущуюся очевидность, как своё родное, всегда бывшее, и что самое страшное – с чем я сам могу справиться! Я и здесь не мог быть безгрешным! Этот навык «самонадеяния», один из самых страшных ошибочностью и не поправимостью своею, оказывается, остается и после жизни, порождая неиссякаемую жажду, утолить которую нигде кроме, как на земле невозможно!

Так же и с другими страстями, жажду которых я почувствовал, попав в новый мир. Доложу вам, пытки эти страшны, поскольку необоримы, а сила их воздействия в разы мучительнее, нежели при жизни.

Представьте себе неконтролируемую тягу кишкоблуда к пище, наркомана к зелью, курильщика к курению табака, ал-

коголезависимого к алкоголю, гневного к злобе, развратника к блуду, сплетника к сплетням и так далее.

Я мучился, пока, каким-то чудом не понял, и не дал себе обещание, что в случае представляющейся возможности искупления изо всех сил буду противостоять искушениям. Тогда пришло облегчение, но лишь частично, чтобы не забывать, о слабости, даже здесь не отступающей...

Наглядное пособие

...Приблизившись к паре – мужчине и женщине – ведущей обычный по бытовым меркам разговор, я начал замечать непривычные свои способности, одновременно воспринимать, обдумывать и сопереживать происходящее не только с ними, но слышать и замечать все, что предпринимали окружающие эту пару ангелы, и Ангелы Божии. Невероятно – чувствуя мотивацию каждого участника этого, по-новому открывшегося действия, я прослеживал формирование процесса изменения уже оживающей мысли, так сказать, перетекающей из рождающегося помысла в мысль восстающую, и далее воплощающуюся в действие, и даже ее трансформацию в процессе материализации под воздействием окружающего влияния сил небесных и гиены огненной.

Я, конечно, сейчас скажу словами несведущей начинающей неприкаянной души, но это хоть как-то сможет обратить ваше внимание на происходящее: все слышимое, неважно от кого, при жизни воспринимается нами очень отстранено, как бы нас не касающееся, и более того, воспринимается часто с сомнением и сарказмом по отношению к говорящему. Весьма частая наша реакция на такие слова – это обращение на действия и душевное состояние оратора, ведь и он, как нам кажется, зачастую не особенно верит в то, что говорит.

Так вот, таких вопросов не возникает. Уверяю вас, здесь

все очевидно настолько, что первое, что хочется сделать – сообщить об этом живущим на земле, причем без какой-либо своей меркантильной заинтересованности.

Наша генетическая испорченность видна настолько, что диву даешься, как с такими обезображенными существами может мириться мир, не претерпевший, сам по себе, никаких изменений. Более того мы усиленно меняем не только внешнюю картину нас окружающего, но и суть – она не устраивает нас, ведь она идеальна только для идеального!

Более-менее поняв, что происходит внутри меня, но совершенно не разобравшись, кто я в этом мире и что ждет меня дальше, я не ощущал ни нервозности, ни озабоченности. «Происходящее сейчас нужно», – эта уверенность стала единственной движущей силой, которой я, не задумываясь, подчинился.

Большая по площади кухня, стены которой были отделаны «венетической штукатуркой» в пастельных оранжевых тонах, отражающихся от блестящей поверхности почти белого мрамора пола и такого же по блеску потолка, предназначались не столько для принятия пищи и ее готовки, сколько для поражения воображения гостей. Так бывает, когда, обрушившиеся своей тяжелой полнотой исполнения желаний, большие суммы денег поражают людей, всю жизнь живущих скудно и стесненно, но с тягой к высокой культуре и комфорту.

Надо отдать должное – помещение и расположение все-

го в нем нагроможденного было удобным и эргономичным. К большей части механизмов и приспособлений хозяева не притрагивались, поскольку даже не имели представления, как этим пользоваться, а еще точнее – они им просто не были нужны!

Огромные окна с арочными сводами испускали света больше, чем небо среднестатистических европейских пляжей. Одна стена, естественно, восточная, была покрыта росписью по штукатурке, изображавшей картины из Страстей Господних, а именно, последние моменты присутствия Богочеловека на земле.

Голгофа, с присутствующими евангельскими персонажами, была расписана приверженцем не Церкви, но современного искусства – явным поклонником красоты человеческого тела, а посему Иисус Христос выглядел мускулистым и чересчур brutальным, будто выполнял на каком-то загадочном спортивном тренажере очередное упражнение.

Наблюдавшие за происходящим, прописанные с ювелирной точностью, привлекали взгляды смотрящего не стенаниями и душевными муками по Страдальцу, а своими выдающимися формами, красотой и богатством одеяния. Знавшие хозяйку дома лет пятнадцать назад, могли смело, со стопроцентной гарантией, различить в Лике Пресвятой Богородицы эту будто бы набожную женщину. О Лике Спасителя мы лучше промолчим, как впрочем, и о всех остальных, хотя чего стесняться, если католическая традиция, кажется, в этом

ничего зазорного не находит...

Помещение это было перегорожено пополам рабочим кухонным столом со вставками нагревательных поверхностей разного назначения в переливающуюся всевозможными перламутровыми цветами гранитную столешницу.

Кухонный гарнитур, включающий и шкафы, и полочки, и даже стулья с обеденным столом, были покрыты дорогой инкрустацией янтарем, малахитом, агатом, слоновой костью и драгоценными породами деревьев.

В тон выбирались и люстры, и посуда, и столовые приборы. Впрочем, все это уже приелось и казалось лишним, вычурным, а главное, далеко не всеми понимаемым, но менять уже ничего не хотелось, да и сила привычки сделала обращение со всем здесь имеющимся приятным и удобным.

Справедливости ради заметим, что все перечисленное не было куплено самими хозяевами, а стало частью благодарности одного известного богатея, семья которого была спасена Мартыном Силычем в бытность службы его еще в должности заместителя начальника убойного отдела МУР. Чете Силуяновых, только получивших огромную по их меркам квартиру в семь комнат, было предложено выбрать стилистику отделки и мебель на их вкус, не обращая внимания на цены. Выбор был сделан, но оскорбил платящего финансовой мизерностью и буквально спартанским минимализмом в подходе к мебелировке.

После чего, на огромном лимузине, подкатил модный

и известный своим изысканным и драгоценным, в прямом смысле, подходом к работе дизайнер, и дело закипело. Результат поверг всю без исключения семью Мартына в уныние, поскольку жить в Эрмитаже представлялось невозможным, но выхода уже не было, оставалось лишь пожать руки и впасть в тяжелые думы о том, что теперь скажет начальство о нетрудовых доходах и нескромности выдающегося опера.

Несоответствие предполагаемого и произошедшего на новоселье огорошило опасующихся членов семьи, ибо первые же оценки стали констатацией воспоминаний гостей-сослуживцев у кого что из представленного здесь имеется дома или что было замечено у других. В общем, оказалось, что мнимое несметное богатство отделки интерьера было оценено на хорошую и твердую четверку по пятибалльной шкале, и в принципе можно было напрячься и на более выдающийся вариант.

Шок не проходил долго, а привычная безысходность в навязанном иногда отзывалась икотой, особенно при взгляде на ранее описанную фреску.

Теперь мы понимаем, что слова о людях, делавших отделку, относились не к семье Силуянова, а к персоне его благодетеля, в подобных благодеяниях которого первый и не нуждался...

Мартын сидел у дальнего от нагревательных поверхностей угла стола, чуть касаясь его, будто музейного экспоната. Его

длинные ноги, положенные одна на другую, проходящие почти под всей столешницей, упирались в большую китайскую вазу, которую он аккуратно толкал самым кончиком большого пальца, благодаря чему она немного покачивалась, давя своим дном песчинки и издавая при этом странные звуки.

Руки, скрещенные на груди, отдыхали от привычного вертикального положения. Короткий, недавно стриженный полубобрик, с уже густой проседью, поглощал падающие на него лучи солнца, путающиеся в короткой, но густой шевелюре, что создавало видимость некоей подсветки изнутри.

Усталое выражение лица его всегда принималось супругой на свой счет, и все больше укрепляло в ошибочном предположении, что усталость вызвана ею и семейной жизнью вообще.

Вряд ли между ними оставалось то большое и светлое чувство, что сбивает с ног любого человека, бросая мужчину к ногам любимой, а женщину, объятую слепым восторгом, смиряет и расточает полностью на флюиды счастья, внимания и безусловную жертвенность.

Они давно стали друзьями, иногда переходящими в оппозицию друг другу, родственными душами, спаявшимися настолько, что расставание нанесло бы неизлечимые раны и полную растерянность во вновь открывшемся мире.

Все неровности и шероховатости давно притерлись, взаимное появляющееся недовольство со временем, заместились вновь возникшими чувствами к внукам, а осознание до-

стигнутого в жизни и вместе преодоленного, утвердило взаимопонимание, взаимодоверие и взаимоуважение.

Мартын и Валентина уже как лет десять представляли собой настоящую супружескую пару, в библейском понимании. Их миру и содружеству ничего не угрожало, а редкие споры и еще более редкие ссоры лишь укрепляли их отношения, ибо следом несли обязательное раскаяние и моментальное искупление...

Сегодняшний получасовой диалог касался темы, пожалуй, самого известного эпизода из служебной деятельности Силуянова – «Солдата» и всего с ним связанного.

Самое интересное, что мнения на счет этого человека у них не расходились, но вот уже, как три десятка минут хлестнулись подходы к формированию его в свое время. Ничего удивительного в этом не было, Валентина была адвокатом по профессии и несла знамя торжества справедливости, как правило, точно в другую сторону, нежели муж. Они никогда не встречались на судах в одном уголовном деле, понимая, что это может привести к краху их семейной идиллии. Но это не могло предотвратить возможных небольших баталий дома.

Как правило, начинала подобные дебаты супруга, предполагая пользу от глубоких обсуждений, уходящих в разные сферы и всевозможные аспекты человеческого существования.

Заметим, что лучших оппонентов найти было не возмож-

но, ибо оба обладали обширной, эмпирически наработанной профессиональной доказательной базой, редко встречающейся даже у прокуроров и следователей. Именно поэтому навык, приобретенный в этих частных беседах, был, во-первых, бесценен, а во-вторых, подробно касаясь нюансов определенного уголовного дела, «обсасывался» и обсуждался подробнейшим образом. Это давало понимание безупречной линии защиты по всем фронтам адвокатессе, и понимание обоим, какое развитие событий можно ждать на суде. Разговор касался случаев с плохо собранными фактами и неаккуратно подготовленными доказательствами преступлений.

Как любые напряженные моменты, они тоже сопрягались с нервозностью, обращением внимания в сторону, не имеющую отношения к делу, переход на личности, цепляя недовольства, семейные неурядицы и всякие глупые мысли, отшвыриваемые обычно людьми, не допускающими оскорбления в сторону собеседника.

Но это мы, живущие и видящие только этот мир, воспринимаем наши эмоции таким образом, полагая, что способны контролировать все и вся, не понимая, что все окружающее пространство вокруг нас в это время, занято противоборствующими силами, поле битвы которых – наше сердце, а предмет раздора – наша душа...

Валентина, имея возможность, параллельно разговору, сбрасывать отрицательные эмоции через занятие рук приго-

товлением фирменного борща, автоматически кулинарила, точно и внимательно отслеживая линию разговора, никуда больше не отвлекаясь.

Мартын же умудрялся одновременно обдумывать массу параллельно возникающих предположений, касающихся других дел, нервничать в отношении своей замечательной половинки, отмечая многое, что его буквально бесило.

В памяти всплывало и прежнее, и только сказанное, многое не состыковывалось, и было нелогичным. Более всего, ему не нравилось, как она постоянно изменяла смысл им сказанного, довольно удачно подменяя нужными ей словами и выгодными фразами, считая, при этом, допустимым немного мухлевать и со сказанным, когда-то ей самой.

Иногда в мыслях обоих появлялись угольки раздраженности или отвлекающие мнительные пассажи, в отношении качеств, внешности, поведения, а то и способностей друг друга, что обычно приводило к переходу к непродолжительной перебранке, и сразу после, некоторому молчанию.

Пустота, выплеснувшихся эмоций, быстро заполнялась, и возобновление прежнего диалога, становилось неминуемым, но уже с несколько другим окрасом мнения о собеседнике...

Я, приблизившись к моменту появившегося очередного промежутка тишины, будто специально устроенного в виде антракта, когда можно рассмотреть и соседей по сегодняшнему своему измерению, и находящихся в яме реальности земной, что бы привыкнуть к персонажам, этой первой по-

добной в моей практике, сцены.

Итак, мы с попутчиком оказались почти в гуще событий, ведь тишина в диалоге не значит отдых для светлых и темных сил, напротив, именно сейчас разум и душа бомбардировались атакующими и защищающими. Это ощутимо, если сосредоточившись, отключиться от овладевающих человеком эмоций, что правда почти невозможно, ибо каждый живущий эмоциями, ими и существует.

И мужчина, и женщина находились в окружении нескольких созданий. Рядом с каждым возвышался могучий и беспристрастный Ангел, постоянно находящийся во внутренней молитве, одновременно обрезая чрезмерные, не попущенные Создателем для этого чада, искушения и испытания. Буквально визуально, для меня конечно, Защитник снабжал силами своего подопечного, что позволяло соблюдать некий паритет с обуревающими нападками падших ангелов, желающих, а главное имеющих возможность, уничтожить любого из людей ментально, если бы это было разрешено. Эти мерзкие существа не только пытались всеми возможностями навредить человеку, но и записывали все совершенное им не по заповедям, конечно, преувеличивая и привирая...

Мартын всмотрелся в глаза своей супруги, нервно подергивавшей левым плечом, за которое усиленно теребил самый бестолковый бес. Муж не видел ни его, ни еще троих, один из которых, нашептывал: «Неужели этот самый самодовольный из мужчин, считающий себя пупом человечества, все-

гдашним твоим хозяином, а по сути существо слабое и ничемное, будет и дальше тиранить тебя?! Посмотри, ведь ты и сейчас работаешь на него – он ничего не делает, он даже не предложит своей помощи!.. Ну почему он не пригласит тебя в ресторан, ведь у него есть деньги – в правом внутреннем кармане?.. Почему он этого не делает? Может у него есть любовница? В самом деле, заметь, последнее время, он несколько раз в день говорит тебе явно незаслуженные комплементы, словно заглаживает свою вину. Не думай, что он может почувствовать свою виноватость, за то, что задерживается на работе... – и на работе ли?! Сколько можно ищачить ради этого...» – Эта мысль была остановлена сопротивляющейся супругой, буквально разбившись о нашептывание другого:

«Да какая у него любовница, ему просто приятно и комфортно иметь такую прислугу! Что тебе женщина нужно, чтобы преданно быть ему рабой? Пару приятных фраз и шлепок по целлюлитной заднице?.. Дааа, она у тебя действительно, как песчаный бархан, не подумай, что выпуклая – морщинистая. С боков бедер у тебя «галифе»..., а грудь обвисла... Кстати, почему этот мужчина против операции на груди, ради ее коррекции, деньги ведь есть? Конечно, не из-за любовницы – он просто хочет тебе досадить, помнишь, он как-то сказал: посмотри на кого ты стала похожа, носишь только брючный костюм..., может он скрывает что-то в купе с каблуками... Ты думаешь, он ревнует? Нееет, чувств давно

нет – одна привычка, смазанная комфортом, тобой устраиваемым.

Третий голос убеждал:

«Ты же прекрасна, в тебе есть, по-прежнему, та изюминка, сражавшая мужчин в прошлом веке. Ааа, посмотри на этого верзилу, не ценящего тебя, даже необращающего на тебя внимание – ты для него пустое место! Он давно упивается властью над людьми... Посмотри, ведь ты пытаешься их спасти, защищая на суде, а он решает и изменяет их судьбы.... Он двуликое чудовище, именно двуликое, в нем нет сердца, он не любит ни тебя, ни детей, вспомни с каким трудом ты уговорила его пойти забрать уголовное дело, заведенное на твоего сына... Да, да, именно «твоего», ему плевать на него, иначе он пошел бы сам и все сделал. Власть над судьбами других – вот, что его действительно интересует и им правит! Ты думаешь, он принципиален? Да нет же! Плевать ему на принципы, ему нравится делать хуже, ему нравятся страдания других людей! Посмотри, как он смотрит на тебя! В его взгляде нет уважения, но зато, сколько властности и презрения. Не думай что это усталость... Нет во взоре его чистоты – это холодность. Так у всех душевных убийц... Он ведь убийца! Вспомни, как он умеет тебя подавлять! А знаешь, от куда это у него? Этот опыт он приобрел на допросах...» –

Вдруг эти голоса оборвались, словно для вдоха, хотя странно, ведь вещать можно попеременно, но... В этот промежуток, созданный милостью Создателя, влилось странное чув-

ство, буквально выбившее слезу. Резко взглянув на него, в надежде зацепиться за что-то, неожиданно, во взгляде мужа она обнаружила столько тепла, сожаления, грусти... Сознание всколыхнуло приятные переживания совместной жизни, а их столько! Он хороший человек! И по-прежнему любит ее!..

Голоса вернулись, но слеза не застыла:

«Да он просто хочет жрать, посмотри – это же взгляд голодного человека!» – Чужие и свои мысли слились воедино, все же с положительным знаком и она изрекла:

– Папусик, ты хочешь кушать?..

– Да, мать, ты как всегда в точку!.. – Один из трех голосов: «Я же говорил, он только и хочет пользоваться тобой, он хочет только жрать и трахаться!..» – Мартын тяжело вздохнул и продолжил:

– Да, есть правда хочется, но к твоей попке я бы прижался с большим удовольствием, и клянусь, в этот раз не засну...

– Да ну ты, только и думаешь... А когда это ты заснул..., приижаавшись?... Силуянов, это вообще со мной было?!

– Мать, ты самый великий кулинар, самая замечательная женщина и еще многое, но ты... кажется... Ты позавчера заснула раньше меня! Хе, хе, хе...

– Когда позавчера? Аааа! Так и ты заснул?! Хороши, нечего сказать! Любооовнички!...

Я хоть и был несколько в отдалении, но явно почувствовал новую агрессию. Сейчас бесы обрели резкие форму и очерта-

ния. Их размеры, пропорции, а главное их безобразная, видимая здесь, не скрываемаемая внешность, выглядели омерзительнейшими и до того отталкивающими, что будь у меня желудок, даже пустой, все равно нашлось бы чем стошнить.

И к этим существам мы прислушиваемся, их наставления предпочитаем настоящему, а ведь порой нас сбивает с мысли порочной и гнусной, и просто запах ее сопровождающий.

Я постарался собраться с мыслями. Способности, удивившие меня еще недавно, сейчас улетучились вовсе, оставив только воспринимаемые эмоции от всех этих существ. Вся производимая ими суета, создавала отвратительный сумбур... – с этой мыслью посмотрев на попутчика, я понял, что остался беззащитен неспроста – ибо должен понять и ощутить все прелести воздействия этих сил. Догадка резанула – если такова подготовка, то что же ждет дальше?

Продолжая не столько слушать, сколько воспринимать поток воздействия, я понимал, что не в состоянии пропускать через себя всю эту борьбу: Ангелов, святых угодников, воинствующих духов злобы, и сам внутренний конфликт в обоих людях, возникающий внутри них самих, между телом, духом и душой.

Перестав себя воспринимать, хоть как-то, я начал проваливаться в какую-то бездну, где меня все больше, и больше охватывал холод, сковывая то, чем я сейчас существовал. Издалека слышались мысли: «Так погибнет твоя душа. Так она

отходит от жизни вечной. Лишь Слово может спасти тебя: проси и дастся!» – ужас уже объял меня, ощущения только случившейся катастрофы, где я не властен даже понять происходящего, оцепенение безысходности и невозвратности, и главное, потери того последнего, самого важного, того, что нельзя терять – уже потеряно!

Пронзившее забвение Вечности, пронзившее буквально, ибо боль нестерпимая, не какая-то там физическая, а настоящая душевная, но в душе потерявшей все хорошее, светлое, доброе, что противостоит, мукам на земле, тем самым, которым мы больше всего не хотим быть подвластны, поскольку физическое все же терпимо и преодолимо.

Еще немного, и что-то липкое, густое, жгучее и душашее заполнит мое здешнее естество, погубит беззащитную душу, неприкаемую, а значит никому не нужную..., никому не нужную, кроме... – вот и враг, в объятиях которого я гибну, а соответственно, против него и Спаситель! «Господи!» – вымолвила моя душа, и что-то взметнулось... «Господи!» – повторила она более уверенно, и окруживший меня визг, бешенная суэта (наконец-то я понял, что это такое), и глобальная ненависть из-за моего обращения к Имени этому, раздирают меня, разнося на мириады чего-то, но боль утихает, и уверенность возвращается. Пока она лишь надежда, но укрепляющаяся: «Господи, спаси!». Внезапно от того, чем я был, метнулись несколько существ, они исчезали, вырывая свои когти из места, где я чувствовал свою пульсирующую

жизнь. Я повис, и начиная приходить в «сознание», почувствовал присутствие Ангела:

– Так нужно...

– Но почему это смогло произойти?

– Ты болен..., испорчен, буквально нашпигован навыками греха...

– Но ведь здесь нет греха...

– Память о нем остается у неприкаянных душ, именно поэтому такие, как ты лакомый кусок для бесов.

– И что же делать? Ведь я чуть не погиб!..

– Ты же спасся молитвой – молись...

– Чем же я привлек их?

– Гордыней – разве не ты подумал, глядя на человека: «Я бы справился».

– Не знаю...

– Еще немного и ты сам будешь отвечать за тебя, я лишь буду поддерживать все, что будет исходить из добрых кладовых твоей души..., хотя и останусь твоей опорой в этом мире... Нам нужно продолжить, ты еще многое должен понять...

– Аааа...

– Никаких вопросов, все равно ответы будут полезны, когда ты получишь их сам. Слушай себя...

– Но как же я пойму, что делать, а что нет?

– «Жертва Богу – дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит»...

– Жертва?!...

Кухня была наполнена не столько ароматами, их не чувствовалось в этом измерении, сколько неуверенностью, овладевшей внутренним состоянием. Сейчас она выражалась в нежелании принимать решения в отношении друг друга – оба стояли на грани, всегда в таком случае висящего в воздухе скандала. Нашептываемое бесами, представляло само собой набравшийся список взаимных претензий, на деле не стоявший и яйца выеденного, но он был, и казался важным...

Я заметил раздраженность темных существ затянувшейся сценой. Их внимание привлек и я, но теперь, зная, что им нужно, чтобы уничтожить меня навечно, мной овладело спокойствие, благодаря узанному противоядию. Хотя не скрою, до сих пор во мне чувствовалось оледенение при воспоминании момента, когда они, учуяв гордыню, вцепились и уволокли в геенну – еще немного и рассказывать было бы не о чем и не кому...

Никто не может им сопротивляться, оставшись без Создателя. Попусти Господь, хотя бы одному полную свободу и на земле через мгновение не осталось бы ни одного Его творения. Гибель их – мечта князя мира земного, врага человеческого, когда-то самого красивого из всех ангелов, а ныне отца ненависти и злобы...

Мартын, поджав под себя ноги и скрестив их под сиденьем

шикарного стула, ковырял пальцем сколупнувшийся край столешницы. Свободной от этого рукой, согнутой в локтевом суставе, он опирался о стол же. Ему казалось, что основная часть диалога пройдена на сегодня удачно – без сор и скандалов, хоть и не удалось избежать напряженности. Решив все же разорвать грузящую тишину, он постарался переменить тему:

– Знаешь, а ведь..., все таки, не понял я до конца «Солдата»! Что-то есть, о чем он не договаривал. Верить, конечно, верю, но все, как-то, глубже представляется..., и от куда эта симпатия, буквально сшибающая с ног. Ну скажи на милость, как может быть так, что я постоянно, вспоминая о нем, ловлю себя на мысли, что он не может быть преступником? Ну не укладывается у меня в голове, что он мог это сделать..., нууу, то, что сделал...

– Да у вас..., у оперов, вообще, немного в головах укладывается... – Окончив эту фразу, Валя сама не поверила, что такое сказала – она даже думала о другом. Но в голове, чьими-то усилиями, быстро пронеслось: «В самую точку! У него укладывается в голове, что можно преспокойно сидеть и ничего не делать. Хоть бы спросил о внуках или.... да обо тебе бы что-нибудь спросил!». Остальные два беса принялись шептать и науськивать соответственно своим привычкам. Валентина продолжала, не успокаиваясь:

– Конечно..., вот «Солдат» бы твой никогда не позволил бы такого... Ты меня в ресторан когда водил?

– Валют, так ты ж все свои деловые встречи там проводишь, сама ж говорила, что они тебе надоели, и это...

– Нет, ни это, и не то! Это все не то! А если бы цветами торговала, ты бы мне их тоже не дарил?!.. – Мартын тоже был окружен «нашептывающими» и еле сдерживался, хотя мысли становились все злее, и казалось, имели, все больше смысла и обоснований: «Ты только посмотри, так и рвется руль взять себе! Феминистка проклятая! Собрала себе контору одних баб, строит из себя нравственный идеал. Ты же знаешь, как она защиту «стряпает». Каких только отморожков и мерзавцев не защищала. Вот ты ловишь, а она...» – Почему-то Мартын брякнул:

– Что ты мне все перечишь, почему ты все хочешь сделать наоборот? Всю жизнь..., нашу эту, ты как будто, мстишь за что-то!...

– Да что ты говоришь?! Я мщу... А...

– Да если бы не я, у тебя работы бы не было!... – Теперь Мартын осознал, что мысль будто бы не его, но где-то в глубине, почему-то, она ему понравилась. Правда, он сразу пожалел о ее озвучивании. Женщина подняла руку с ножом, немного подержав его так, положила, как топор на плечо, взмахнула челкой и вдогонку, дунула ей вслед, в надежде, что она не сорвется обратно, опустила голову и посмотрела исподлобья. От этого взгляда муж снова вытянулся и толкнул вазу, чуть не разбив ее.

Резко и глубоко вдыхая, супруга ткнула ножом в кастрюлю.

лю, тот утонул не найдя предполагаемой опоры, и вывалился из руки. Попытка его сразу достать, привела к ожогу – рука дернулась, задела край кастрюли, которая не преминула сорваться с нагревательной поверхности и грохнуться об пол, разнося, словно взрывной волной, труды предыдущего полу-часа!

Валентина, визжа, подпрыгнула, пытаясь избежать брызг кипятка, но приземлилась точно на пролитое и скользкое, разумеется, поскользнулась, и «села» почти на «шпагат», сильно подвернув ногу и ударившись мягким местом о перевернутую дорожку кастрюлю...

Все это стоило падшим ангелам ювелирных и сверх грандиозных усилий. Их сплоченность была удивительна, поскольку обычно они тянули каждый в свою сторону, дабы выслужиться перед своим сюзереном, что и вылезло прямо сразу, ибо вместо продолжения они начали драться за признание своих заслуг...

Валя в бессознательном, почти, состоянии, произнесла непонятное:

– Ты мне... – Чего Мартын не разобрал, постарался поспешить на помощь, но поспешив, оттолкнулся ногами от пола, в надежде вылететь из под стола и броситься к жене. Оттолкнувшись, он поскользнулся на пролитой жиже, ударил в вазу концом тапочка, аккуратно отлетевшей в нижнюю часть застекленного кухонного шкафа, благодаря чему стекло раскололось и, как-то повлекло за собой часть дорогого сервиза,

рассыпавшегося своими осколками аккуратной кучкой, прямо между ног хозяйки.

В дополнение, срываясь задницей с краешка стула, Силуянов ударился подбородком о столешницу, сработанную в ручную из особо твердой породы дерева, клацнул зубами, чуть не лишившись языка, и сотрясши мозжечок о край стула, без сознания, растянулся на полу.

Ликовали теперь бесы, занимавшиеся его душой, но тщетно, поскольку вся злоба, вырвавшаяся наружу у обоих, прошла мгновенно, ведь сама по себе она не существует, хотя смачная тирада женщины, искусно владеющей своим речевым аппаратом, оборвалась ровно в тот момент, когда она поняла – муж ее не слышит или вообще игнорирует жизнь. Этого потерпеть она не могла, вскочила, заранее придерживаясь за мебель, и гонимая сразу тремя, по своему, податливыми демонами, рванула в его сторону.

Капуста, мясо и другие ингредиенты разлетались из под ног разгорячившейся хозяйки, но эмоции обмякли, как только она заметила закатившиеся глаза мужа.

Раздался крик, удар коленей об пол, дальше последовала произвольная реакция – зная, что супруг стал верующим человеком, она начала быстро, словно разгоняя мух, крестить его, приговаривая: «Господи, прости его грешного!»...

Просите и дастся! Я увидел, как две черные тени метнулись и пропали. Ангел, витавший над Мартыном, засиял, ибо

почувствовал почву, а ведь и не многое нужно – веру, хотя бы «с зерно горчичное»...

Мужчина открыл глаза, и глядя сквозь мутное видение, похожее на лицо его Валюшки, нависшее над ним, произнес:

– Неужели все Ангелы здесь похожи на мою жену?

– Очнись, благодетель-мученик! Куда уж тебе без меня. Ужас, и поесть уже вместе нормально не можем!... – Мартын поднялся на локтях, перекрестился, сразу почувствовал облегчение и пробормотал:

– Слава Богу! А что это у тебя там?

– Где?

– Да вот же, на полу... Я что-то пропустил?.. – Вслед посыпались слова извинений и прощения, милые и теплые фразы, обращенные друг к другу, самых близких и родных людей. В такие моменты рядом с ними нет места существам из преисподней, хотя они и на чеку...

Я смотрел на эту идиллию, и как-то, охваченный непонятным трепетом, присоединился к радости и умилению этих людей, чувствуя, что имею к ним, какое-то отношение...

Мой попутчик изливал любовь к Создателю. Я понимал, что очень желаю к нему присоединиться, но не знал как – «Думай о Нем с благодарностью» – уловил мой разум, после чего почувствовал, что мы уже, где-то в другом месте...

Похоже, это был первый урок, хотя какой урок в бесконечности, но часть виденного, и ощущаемого была непонятна, и значит скоро последует что-то...

– Почему ты не молился за них?.. – Поинтересовался Ангел.

– Я переживал и опасался помешать...

– Опасался помочь?

– Опасался ошибиться вновь..., а может, боялся повтора этого...

– Когда ты молишься, не бойся ничего и никого, здесь не земля и ты неприкасаем, но бойся хотя бы подумать или допустить в помыслах, что-то против заповедей Божиих.

– А они здесь тоже...

– Нет, среди нас нет зла, творящие его, не в состоянии причинить нам хоть что-то. Но ты не здешний, а потому уязвим, ты не порвал с тем миром и лишь на время принят этим. Поэтому я с тобой, но знай, что ты свободен в принятии решений, как и в прежней жизни, и как ранее, так же несешь за это ответственность, с той лишь разницей, что ответишь, за несправедное, сразу.

– Как же быть?

– Молись – что там, что здесь, выход для таких, как ты один...

Татьяна

Не знаю, сколько прошло времени, да это и не важно, главное теперь отношение к своему положению. Странно – при, почти, полном отсутствии непонимания промежуточных целей, я верю, что достигну главную! Правда, я до сих пор не осознал своего состояния, формы, объема, зато привык к этому миру.

Изменившемуся существу тяжело привыкнуть к отличиям своего состояния, просто, как духа, ведь душа воплоти, очень отличается от души без нее! Мне кажется, что иные качества были и прежде, какие-то обновились, а какие-то вновь обретенные, из тех, что нельзя иметь при плоти, ощущаются будто родные, но долго отсутствовавшие.

Я начал обретать частично память. Она кажется мне не моей. Касается это не самих событий или знакомых мне людей, которые обязательно должны были быть, а самого понимания происходящего, взаимосвязей, причин, следствий. Все происходящее я теперь воспринимаю совсем по иному – как познавший настоящее и правду о нем. Я удивляюсь, почему почти никто не в состоянии иметь веру, дающую неограниченные возможности?

Я живу двумя мирами, сопереживая одному, не имея возможности ничего в нем исправить. Второй же принял мою душу, кажется, чтобы наставить меня. Он проводник в пер-

вый, если я смогу доказать, что достоин второго шанса.

Я уже видел, как люди появляются на свет. Их души, конечно, чисты и невинны – ни чета моей. То, что может произойти со мной, по возвращении, отдаленно сравнимо с рождением. Я очень надеюсь, что многое из осознанного здесь, сможет перейти и туда, и переживаю из-за того, что может быть иначе...

Помните, вначале моего здесь нахождения, я опасался передвигаться, хотя для этого достаточно было мысли и координат. Откуда я мог знать координаты? Оказывается это понятие доступно каждому новорожденному ребенку. Захотел кушать – подумал о маме, и сразу очутился у нее в объятиях. Так происходит, потому что дети верят.

Находясь в этом мире, я не верю в него, но знаю, что он есть. Так происходит с каждым, кто попадает из предполагаемого в очевидное.

Что значит поверить, я не могу объяснить, только показать. Непонятно, при взгляде отсюда на людей, почему каждый, имея наставление, не пользуется им. Написано же, чуть ли не в каждой строке Евангелия, что имея веру все возможно: излечиться; оживить упокоившегося; перенести кого угодно, куда угодно; переместить целую гору в море; обходиться без пищи; сопротивляться бесам, изгоняя их; переделывать человека, целый народ, да что угодно, и веру-то при этом нужно иметь, хотя бы, с «малое зерно».

Что движет телом – физическая потребность, а душой и духом – тоже потребность, но духовная. Как только мы становимся высокодуховными существами, большинство потребностей, связанных с материальным миром, становятся лишними. Лишившись же тела совсем, попав в этот мир, я даже не могу вспомнить о них, хотя это не совсем правда. Сюда со мной перешли потребности моих страстей. Правда, я был человек сдержанный, но все же... Я уже говорил об этом – когда-то курил, но бросил. Привычка была настолько сильна, что желание иногда возвращалось. Здесь оно тоже иногда появляется, но меня это почти не волнует, а вот упокоившегося курильщиком, эта мука будет преследовать, и облегчения не будет никогда! Навык этот будет мучить душу вечно, причем в самых тяжелых своих проявлениях...

Мы вдвоем зависли над гладью океана. Я пытаюсь вобрать в себя понимание движения каждой маленькой волны, создающей рябь. Каждой! Это значит всех, до единой, на всем пространстве земного шара. Конечно, я не в состоянии быть сразу везде, это может только Всемогущий – Он всегда везде, и всегда Все. Но все связано воедино, и значит все можно почувствовать – зная одну волну, можно понять, какой будет любая другая. С волнами это просто, но многое в материальном мире гораздо сложнее. Я бы освоил очень быстро, но для этого необходимо верить, хотя бы, как Ангелы. Это сложно объяснить, но у них нет ничего земного, а я по-

прежнему часть того мира, что и держит.

Это так же сложно понять, как и нежелание покаяться падшим воинствующим духам злобы, не видящим в этом смысла.

Почему они не хотят вернуться к тому, что лучше бесконечно? Представьте себе, как это не понятно при их точном знании, о конце, который рано или поздно наступит. Зачем они продолжают оставаться Его врагами и уничтожают род человеческий, пред представителем которого не захотели поклониться? Кто знает... Не стоит над этим задумываться, ведь и первочеловек, быв возвышенным, совершенным, всемогущим, зачем-то захотел послушаться, ради неизвестности...

Знаете, какое занятие для меня сейчас самое приятное? Любоваться детьми. Я был поражен, когда понял, что они видят нас. Там где дети, нет падших ангелов, они боятся их чистоты и призора Божьего. Рядом с ними много Ангелов, хотя и нет Ангела без дела.

Почему-то, меня часто притягивает именно один ребенок – это девочка. Впервые я увидел ее, когда ей не было и десяти лет. Конечно, она уже грешила потихонечку, но по сравнению со своими сверстниками, она просто невинна.

Я люблю наблюдать, как она просыпается и засыпает. Ее Ангел-хранитель уже привык ко мне. Наверное, моя привязанность к ней неспроста, поскольку я не просто так тянусь к ней, и мой попутчик дает понять, что всему свое время.

Ее зовут Татьяной. Рядом с ней прекрасный человек – бабушка. Часто дом их посещают священники, бывают и разные люди, одного из них, я уже знаю. Это тот, за которым мы наблюдали на кухне с дорогой отделкой. Девочка называет его «дядя Мартын», и всегда после приветствия, спрашивается о здоровье папы.

Странно, что папа никогда не передает привет, не появляется сам вместе с этим дядей, но еще страннее, что это не очень беспокоит дочку. Вокруг нее всегда, ощущается весна, точно так же, как в мире горнем всегда Пасха. Вообще, стороннему наблюдателю, странным может показаться многое. Засыпая, ребенок обнимает огромного крокодила, а просыпаясь постоянно с его лапой на себе, словно тот обняв, оберегал ее всю ночь.

Я вижу все ее сны, и мне кажется большинство их обо мне – на все воля Божия!

Когда я появился в этом, новом для меня мире, то не ощущал ничего от человеческих переживаний и эмоций. Сегодня мне много присуще и большинство переживании похожи на те, что охватывают людей. Я нуждаюсь в заботе о ней! Я хочу защищать ее от возможных неприятностей, и я знаю, что так и будет.

Мой попутчик уверен, что где-то, в глубине своей души, я желаю стать ее ангелом, но это не возможно.

Девочка с бабушкой часто ходят на могилку, где молодая красивая девушка смотрит на них с памятника, и будто ожи-

вает в эти моменты...

Странно, что все это сопровождается очень теплым потоком откуда-то сверху, потоком, обнимающим одновременно и меня, и Татьяну. В эти моменты я застываю и понимаю, что будь я на земле, то был бы счастлив рядом с ними обоими.

Вот и сейчас, пожилая женщина, и девочка, шли по дорожке небольшого погоста при храме, направляясь в сторону аккуратной оградки, за которой цвел куст роз. Это правда, была очень хорошая работа скульптора, а цветы были вырезаны из красного гранита.

Милена – звали упокоившуюся. День ее упокоения различался лишь несколькими неделями от дня рождения девочки:

– Привет, мамочка!..

– Здравствуй, доченька!.. – Вторила ей старушка, смахивая украдкой слезу...

– Мамочка, ты такая красивая, ты как Ангел! Жаль, конечно, что мы так и не встретились ни разу, но зато сейчас ты с Ангелами, и наверняка молишься за папу. Недавно была у него. Дядя Мартын нас к нему возит иногда. Знаешь, мне кажется, я там тебя тоже, чувствую.

– Танечка, деточка, помоги бабушке, я не могу пыль стереть с задней стенки, а тебе сподручнее... – Элеонора Алексеевна, конечно, это была тетушка Милены, с одной стороны, радовалась возможности бывать на ее могилке, и благо-

дарила Господа, что она появилась, но каждый раз давался все труднее и труднее.

Слезы катились градом, зато молитовки, хоть и были сбивчивы, но сопровождалась такой сердечностью, что иногда ей казалось, попроси она Бога воскресить племянницу, это обязательно получилось бы.

Татьяна привыкла к слезам бабушки, убежденная, что это слезы радости, и иногда роняла сама несколько прозрачных солоноватых бусинок. Тогда старушка подходила, и нежно обнимая свое чадо, припевала: «Слава Богу за всеее, слава Богу за всеее..., слава Бооогу за скоооорбьиии, за рааадость.»...

То, что на земле называют «сердцем», имея в виду нечто духовное, при виде этой картины восторженно трепетало. Я подхватывал напеваемое, и не мог оторваться от этой, кажущейся идиллии. Не знаю почему, но с этими двумя существами, почти всегда были только Ангелы. Тщетные попытки падших духов, по их бесполезности, как они не старались, даже не замечались. Им здесь просто нечем было питаться!

Бабушка часто крестилась и читала «Исусову молитовку». Многие люди в такие моменты трижды плюют через левое плечо, даже не отдавая себе отчет, зачем. Бесы, обычно возвращают эти плевки обратно, нисколько от них не страдая. А вот крестное знамение напрочь лишает их сил, и какого-либо, желания.

Вокруг Тани и ее тетушки, в ликовании хороводили несколько светлых духов. Свет и неизреченное пение, уносились в выси, души, пришедших на кладбище радовались...

Не знаю как, но я чувствовал присутствие, еще кого-то. Душ упокоившихся здесь быть не могло, если только это не произошло недавно, но поскольку девочка потеряла маму давно, мысль эта отпадала сама собой. Хотя, молитвы усопших, о нас грешных, настолько сильны, что зачастую их энергетика воспринимаются именно за души наших родственников. Да, мы чувствуем именно их заступничество, но почти никогда не отвечаем своим...

В сегодняшнем моем мире нет материи, как мы ее понимаем при жизни, но слово остается словом, и нет ничего удивительного в том, что молитва, давно ушедшего сородича, доходя до подсознания нашего, формируется в нечто нам привычное. Вот и чудится нам то привидевшееся, то просто желаемое, в то время, как ни дорог, ни сообщений между этими мирами нет и быть не может...

Время у могилки, любимого человека, пролетало незаметно. Они покидали ее, наведя порядок, после прочтения положенного церковью правила, когда души, успокоившись, отпускали от места последнего упокоения тела.

В душе престарелого человека, в котором не было спокойствия, но смятением сплетались чувства, среди которых, сожаление о девочке, оставшейся без родителей, окутывало пе-

чалью старческие переживания, и все больше из-за мыслей о своем приближающемся конце. На кого останется ее любимая и ненаглядная дочушка, кто присмотрит, кто обласкает и не даст попасть в беду.

Тетушка молила здесь, будет молить и после своего упокоения, а это значит, если Господь слышит и управляет благополучно сейчас, то и после, тем более, управит...

Совсем юное создание, покидая место акрополя, освещая его своей улыбкой, думала уже о другом человеке, притягивавшем ее все время. Отец был нездоров, подробности ее не интересовали, она понимала происходящее с ним по-своему, и в сущности, была права.

Танюша воспринимала самого близкого и родного человека в процессе перерождения и перехода в другую ипостась.

Ничего странного или не обычного для ребенка в этом не было, ведь Господь создал мир мудрено для понимания человека, и что уж удивляться, если такое простое существо, как бабочка появляется на свет сначала в коконе, и лишь после долгих перемен, превращается в крылатое «неземное» существо.

А сколько таких примеров в учебниках! Да и бабушка часто теперь говорила, что когда маму позвал Бог, девочка была совсем крохотной, а сейчас уже доставала ей до плеча, и в школу пошла, и еще многое. А папа все равно лучше всех! Она-то помнит, как заулыбался весь зал, когда она, войдя, взяла его за руку...

Она помнит, как он опустился пред ней на колени, и, не сдержавшись, все-таки, назвал ее дочкой! Дети чувствуют энергетику людей гораздо лучше, чем уже повзрослевшие. То, что обожгло тогда Татьяну, полыхало и сейчас! Никогда раньше такого она не испытывала, может только в церкви, но это не удивительно – огонь любви Создателя обжигает каждого, кто раскрывает стенки своего сердца навстречу Его Свету.

Рядом с отцом, она ощущала его не воплощенное скопленное чувство родного, любимого человека. Оно грело сейчас, и было взаимно.

Татьяна помнила, как держала в своих руках тяжелую голову отца, в день, когда дяди и тети разрешили ему вернуться к ней, пусть и не сразу, но... – он обязательно вернется и сбудется то, о чем она долго мечтала. Теперь думать об этом легче, ведь папа нашелся, а значит осталось только подождать...

Я смотрел на моего попутчика, взор его переливался, каким-то умилением, показывая мне, чуть ли, не прямую причастность к переживаемому этими созданиями. В мире дольном, человеческом, мы увеличиваем количества зла, что впрочем, тщетно. Эти же девочка и пожилой человек, не имели ко злу никакого отношения, а я и к их миру. Что могло быть между нами общего или, что нас могло объединять?

Я даже не задумывался над этими вопросами, все они были потусторонние, хотя что-то и тянуло к этому маленько-

му ангелоподобному человеку. Я видел, что девочка чиста и непорочна, а ее пение в храме на солей, от куда ее даже не было видно, только слышно, буквально разрушало все замыслы злых духов в отношении других прихожан.

Услышав ее голос, все, даже праздно посетившие службу, лишь для галочки или установившегося порядка, теряли нить мирской мысли, и сливались с услышанными песнопениями. Многие, потом не могли отделаться от мысли, что никогда не ощущали себя такими чистыми и совестливыми, как после этой Литургии.

Этот голос соединял их со Светом надежды, даваемой каждому. Проникая в самое жестоковейное сердце, он приводил его в трепет, и подталкивал к месту, где хранятся в нем хорошие и добрые начала. Кто-то злился от этого в первые минуты, кто-то сдавался сразу, и забывая свои заботы и печали, успевал сделать несколько хороших дел совершенно безотчетно.

Иногда этого хватает, что бы вступить на дорогу в основной храм внутри каждого из нас, но находят его редкие, а открывают двери в нем единицы...

Мы покинули эту пару, и я снова завис над рябью океана, он не впечатляет здешних обитателей так, как завораживает таких, как я. В нем видится, хоть какое-то подобие бесконечности. Долго наблюдающий, кажущуюся вечность, утопает не столько в глубинах материального, сколько в бессознательном обширном внутреннем, что и есть бесконечность.

Испугавшись неведомого и быстро возвратившись в привычное, живущие отрезок, несуществующего в вечности, времени, вдруг чувствуют, что приблизились к смерти.

Я смотрел на поверхность воды, и наблюдал за жизнью частичек, хаотически носящихся в сгущенном пространстве. То что я видел, было не густотой, а пустотой, ведь расстояние в атомах, между ядром его и, по-разному заряженными электронами, в сотни раз больше, чем они сами, то есть по земным меркам это практически пустота...

Тяжело духу сконцентрироваться на вещественном и плотском, когда от плотского остались лишь обрезки эмоций, без фактических воспоминаний, без их источников и причин. Но столь уж это важно, когда ты учишься переживать в месте, где все счастливы?!...

Мой попутчик – Ангел, он никогда не умрет, а это значит, что у него нет переживаний вообще, поскольку у него не может быть потерь, и не может быть нужды, кроме одной – Бог и его Слава, в которой всегда избыток. Но иметь к ней отношение может лишь совершенно чистое существо.

Как не странно, меня это не волнует, здесь я просто верю: на все воля Божия и ошибок в ней не бывает...

Старые знакомые

Как раз в момент этих рассуждений я предстал перед следующей сценой.

Два человека, стояли на коленях, наклоняясь над неуклюже лежащим телом. Судя по одежде, убиенная была женщиной. Дамский халат из тонкой, полупрозрачной материи, отороченный тонкими полосочками крашеного меха, имеющей всего одну перламутровую пуговицу, кружевное, бирюзового цвета, нижнее белье, белые чулки в мелкую клеточку, специфические босоножки на чрезмерно длинной шпильке и повязочка, охватывающая густые достаточно длинные, слегка выющиеся, волосы – то, на что каждый вошедший сразу обращал внимание. Но любой, заглянувший в протокол осмотра места происшествия, удивлялся, прочитав фамилию и имя, принадлежавшие мужчине – Верховайцев Петр Данилович.

Не веря написанному, они вновь прибегали к осмотру, окончив который, так и не понимали – розыгрыш это или факт.

Некоторые из министерства, знавшие близко покойного, пошатывались и наклоняясь ближе, пытались рассмотреть подробности черт его лица, отсутствовавшего напрочь. Целым остался только один глаз, свешивавшийся сбоку от глазницы, будто в последний момент, что-то заметив, решил отвер-

нуться, но переусердствовал. Канатик, соединяющий его с мозгом, уже ни к чему не крепился и держал, притягивающий к себе, шарик на запекшейся крови.

Из остального описывать было нечего, поскольку вместо лица, была лужица из месива, с формировавшейся на поверхности, пленки темно-красного цвета.

– Мартын Силыч, я тебе так скажу, дорогой...

– Это он или не он?!.. – Полковник нервно мял кончик носа – привычка, появившаяся недавно, но уже полностью захватившая его волю. Силуянов посмотрел на старого товарища криминалиста и добавил:

– Сомневаюсь, понимаешь... Соооомнеееваааюсь! Мерзавец, конечно, лизоблюд, подхалим, очковтиратель иии..., но не гей точно!

– Хорош! Силуянов, я тебя уже лет двадцать знаю, не один литр вместе выжрали, а ты все одно – ребенок! Да ты его повадки то вспомни! Что носил, на чем ездил..., жопка в обтяжку..., тьфу!

– Фу, фу, фу... Да, это все признаки, но вторичные... Даааа, машины все красного цвета. Хотя, знаешь, никак я, до сих пор, не могу понять, от куда у него все это: цацки, тачки блатные, квартиры, привычки к комфорту... В конце концов, неоткуда ему было бабла столько сгрузить, и некому...

– Знаешь, сколько они от любовников имеют?

– И знать не хочу..., даже по долгу службы!

– Ну что тебе сказать?... – Львов Эдуард Аронович, как считали его друзья, имел совершенно не подходящие фамилию, имя, отчество, при всем при том, будучи по-настоящему православным человеком, несмотря на то, что отец был раввином и весьма известным. Это отдельная история, в которой он всегда предпочитал рассказ о том, как стал криминалистом...

«Эдович», как называли его сослуживцы и близкие люди, подходил к своей профессии, не столько педантично, сколько творчески и с большой долей фантазии. Природа снабдила его великолепными вниманием, памятью и аналитическим умом, чем он пользовался весьма удачно, но лишь на уровне криминалистики. Все остальные сферы человеческой деятельности имели для него трестепенное значение, где отдельным маяком выступала его незабвенная супруга и друг, Степанида – выдающийся колос сплава красоты, монументальности (рост ее достигал двух метров, пяти сантиметров, при 170 «Эдовича») и прямолинейности. Удивительная женщина не умела врать, до безумия была влюблена в своего «Рончика», а обладая силой богатырскою, пронизательностью провидца и умом светлым, сметала всех возможных претендентов, еще до того, как они могли об этом задуматься...

Майор Львов, по обыкновению своего подхода к профессиональным обязанностям, начинал работу с тщательного осмотра места преступления. Особенности, на которые об-

ращали внимание другие эксперты, были для него, не более чем, вспомогательным фактором. Место преступления, по его глубокому убеждению, не зря называлось именно «местом», где что-то произошло.

«Ароныч», стоял, поглощая сигарету за сигаретой, уделяя внимание каждому сантиметру этого «места», пытаюсь представить возможную роль Верхояйцева в случившемся. Обычно через тридцать минут, в его, почти гениальной голове, возникали несколько версий возможных развитий событий. Все они имели обязательно точки соприкосновения с окружающей средой, указывая на которые он, находя, что-либо на них: отпечатки, сколы, анатомические следы и так далее, выбирал заранее проигранную версию, и что странно, никогда не ошибался:

– Силыч, ну вот глянь-ка... Яйцеголовенький наш, росту был какого? Плюс эти... Ого!.. Каблучшца, считай почти под метр девяносто! Слабак, то ли моя Степанидушка!.. мрмр-мр... эххх...

– «Эдыч» не увлекайся..., в принципе к чему клонишь, понятно...

– Мне не понятно, а тебе понятно! Я не к тому, что дырка от выстрела в деревянной, прошу заметить, двери, на уровне не выше 170, а к тому, что лужица эта не могла образоваться вместо лица, из-за неровности образовавшихся сегментов и остатков этой, наглой когда-то, рожицы.

– То есть?

– Да то и есть, что срезали эту морду до основания, перемололи снятое, и аккуратно положили на прежнее место, разровняв...

– Эдик, ты чего бредишь что ли?!... Мня, мня, мня... – или это не он? Ты это хочешь сказать.

– Да ты сам-то посмотри, хоть чего-то узнаешь?

– Да от куда ж? Я же его в таком виде... хе-хе, и представить не мог!... – Мартын представлял из себя человека действия, прошел на кухню, взял ложку и вызвав всеобщее возмущение, погрузил его в забулькавший фарш, оказавшийся вместо лица.

Еще не прошло общее удивление, когда он, подымаясь, протянул свободную руку Львову, произнося с тоном признательности его гениальности:

– Красавец, я даже мысль поимел... А от куда ты это понял, ты ж ведь, как всегда, будто в бреду, пол часа в уголке простоял?... – Подскочили другие, понимая, что произошло что-то непредвиденное, самый нетерпеливый поинтересовался:

– Силыч, чё случилось то?

– Половины костей черепа нет, а именно передней части... , хм, будто и не было!.. – Ладони мертвеца были повернуты вниз, Львов наклонился, поднял руку убитого и обнаружил отсутствие поверхностей ладоней:

– Ну можно по «зраку», рисунку ушной раковинки, на край... – Потянув за глазное яблоко, он понял, что и оно не

прикреплено:

– По ходу просто положили, не удивлюсь, если чужое... – Силуянов, присев в свою очередь, попробовал дотянуться, чтобы освободить от волос, оказавшихся, понятное дело, париком, ушные раковин, которые обнаружил с внутренними обрывами, и с поломанными хрящами:

– Тоже неудачка...

– Ну, генетики то не ошибутся...

– Гм, если не..., а здесь вариантов масса..., какие мысли

Эдь?

– Если позволишь, один на один... – Товарищи отошли на кухню перекурить, открыли окно, и Львов начал на пессимистической ноте:

– Мартын, честно говоря, паршивое предчувствие, думаю нужно писать то, на что рассчитывают те, кто этого уroda хочет представить нам Верхояйцевым. Сделаем наоборот, приговор себе подпишем.

– Хуу, с чего бы?

– Не знаю, ты же мою чуйку знаешь – не ошибается. Так нагло работают только органы, то есть та их часть, которая уверена, что «блуждающая пуля» – это нормально, с точки зрения и физики, и логики...

– Это ты о Кеннеди? Ну ты, брат замахнулся. Хотя и я впал тупиковый штопор. Знаешь, но ведь глупо думать, что генетическая экспертиза покажет..., хотя, что нужно, то и покажет! Но почему вообще не убрать тихой сапой – пропал

и все!... – Мартын действительно не понимал, не складывалось все в одно целое и казалось идиотизмом. По опыту он прекрасно понимал – не складывалось потому, что нет достаточного исходного материала, а искать его, смерти подобно!

Сделав пару затяжек, опер уперся сжатым кулаком в грудь Эдика, и слегка толкнув его, произнес:

– Ты прав, делай красиво, но свои выкладки, хотя я уже их понял, чуть подточни только... угу?...

– Понял, и держи ухо на ветру... – Выходя в коридор, они уже спорили, причем очень натурально о том, мог ли яйцо-головый быть геем или нет, проорав минут пять, снова введя всю рабочую группу в состояние ступора, будто с удивлением, что никто не работает, Мартын гаркнул:

– Че никто не суется?! Картинки, мазки, дребедень всякую собрали или меня ждете, воняет уже этот клоун ряженный... И найдите мне второго – кто его пер или кого он ждал! Тогда пойдем, зачем его завалили. Думаю, в лицо шмальнули специально, предполагая, что дверь бронированная – в глазок палили. Приобщить все, что найдете, все! Цельного полковника вальнули... И где эти «особики»... – Как раз в это время в квартиру заходили двое аккуратно и дорого одетых, с ними был третий, рассмотреть которого Силуянов особенно и не смог. Шляпа с большими палями скрывала верхнюю часть его лица, а нижнюю он, словно не вынося запаха, прикрыл платком и рукой.

Седые волосы, крепкая, сбитая фигура, и всего раз, полоснувший внимательный, прожигающий насквозь, взгляд, странно расположенных глаз..., а может быть, так показалось?

Мартын думал не о нем, а о сказанном Львовым – разные всякие крепыши его не очень волновали.

Уже уходя, после розданных подчиненным указаний – нужно было посетить еще одно место преступления. Он заметил странный брелок, который незнакомец, держа в ладони свободной руки, потирая большим пальцем. Ничего особенного: виднелся всадник, похожий на Георгия Победоносца в кругу написанного текста, а с другой стороны блеснувший мальтийский крест.

Что-то мелькнуло в памяти из прошлого и, почему-то, напомнило «Солдата». Да, да – именно «Солдата» в дни, сразу после его самой сильной трагедии жизни. Давно это было. Что-то зацепило...

Наблюдая за странным поведением этих людей, а точнее за происходящим в их душах в эти моменты, я силился понять, почему их волнует и интересует не важное или существенное, а лишь то, что может повлиять на состояние плотского естества. Конечно, нахождение мое в этом мире духов, ставит меня на вершину, с которой все происходящее открывается не извращенным и не измененным сознанием.

Душа упокоившегося еще витала в сопровождении Ан-

гела недалеко от уже, издававшего вонь, тела, изуродованного изнутри страстями, а снаружи убийцами. Совсем рядом, воплощения своей власти ждали падшие духи, ощущалось их победное рвение, поддержанное уверенностью земной страстностью падшей души.

Она же, пребывала в полном смятении, только привыкая к новому миру, совершенно не подозревая, что он только мимолетный тамбур на подходе к вечности. Совсем немного ей здесь находиться. Буквально, только что, рассталась она с плотью, но ей уже овладела омерзение к этому своему пристанищу, к этой тюрьме, к этому насильнику, желания которого привели ее к сегодняшнему состоянию предчувствия вечной гибели.

Не будь они соединены, не было бы страха и трепета, в котором совсем нет переживаний, оставшихся там, среди океана и буйства непотребностей и суеты, там, где временное властвует над вечным – грязное над чистым, темное над светлым.

Душа металась, ища защиты у Ангела, которого, наконец-то, узрела и, конечно, поверила, или точнее вспомнила, о его существовании. Осознав это, она моментально пронзилась страхом Божиим – теперь очевидным!

Чтобы, как-то уйти от страшного нависшего, она пожелала пройти всю свою жизнь, пытаясь, хотя бы в чем-то, собрать свои заслуги, но чем дольше и полнее изучались отрезки её бытия, тем больше мертвела частица духа, воплощав-

шая надежду на спасение.

Всякое было, даже раскаяние, присущее каждому человеку, но ни разу не почувствовали мы, его продолжение – покаяния. Не блестели взоры Ангелов, но сверкали в сторону, проявлявших нетерпение, бесов. Теплая надежда изливалась от них в сторону только освободившейся души, в надежде милосердия Создателя, ибо никто не может спастись сам по себе, кроме как по милости Его.

Многие места мы посетили, многое видели, но никто, кроме души усопшего, не мог понять или заинтересоваться наблюдаемым. Все было чуждо, не свойственно нынешнему миру, перевернуто и не понятно.

Я понимал, правда уже, как-то отдаленно – когда-то, что-то подобное было и у меня, но очень быстро отвыкает духовное от плотского. Настолько неприятна их совместное существование для первой ипостаси, что частная память, не имея здесь личных кладовых, буквально сразу освобождается от лишнего в мимолетном прошлом, ради бесценного в бесконечном будущем.

Именно поэтому я не помнил ничего, и даже возникающие эмоции, не могли мне напомнить своего источника. Поэтому я просто вбирал их, аккумулируя, и не особенно придавая им значение – раз дано, значит не зря!..

Из всех присутствующих в этой сцене, меня поразили два человека: тот, которого называли Мартын, и обладатель брелка. В них обоих очень развито было чувство вины и спра-

ведливости. Оба они полагали, что служат именно второй, и каждый по-своему, был прав. Удивительно сплетались в них преданность долгу, на стезях, которого случалось всякое, и тяга к доброму. Эти, преданные своему делу люди, давно поняли необходимость жертвенности и понимали, что когда-нибудь она будет стоять им жизни, которую они перестали ценить.

Еще кое-что объединяло этих двух героев повествования. Я наблюдал их на церковных службах, причем, посещали они один и тот же храм. Порой, их мысли касались одних и тех же людей, событий и своего участия я в нем. Оба были профессионалами и часто, не ведая того, выступали на одной и той же стороне, при этом, иногда имея совершенно противоположные цели.

Я почувствовал соприкосновение духовное одного и второго, приведшее к всплеску активности. Седовласый знал, кого встретит, и как этим воспользуется впоследствии. Мартын же только ощутил что-то, и только начал копаться в сознании, не совсем отдавая себе отчета, что именно ищет.

Постепенно и я втягивался в круговорот человеческой суеты. Уже научившись, довольно сносно, передвигаться, я нашел живого и невредимого Верхояйцева, несколько изменившего свою внешность, обретшего приличную шевелюру, сбросившего посредством липосакции килограмм 30, и прилично изменившего свою внешность услугами пластического хирурга. Петр Данилович, как-то внезапно обрелся, пока,

в ЮАР, предполагая менять свое место жительства раз в два – три месяца.

Будучи уверен в своей прозорливости и расчетливости, он воспользовался выпавшим раз в жизни небывалым шансом и «стянул» то, что ему не принадлежало. Беда в том, что вместе с ценностями (пропажу их даже не посчитали бы за происшествие), некая мощная, разветвленная организация потеряла небольшой и не очень ценный массив информации. Это тоже не было бы страшным, имей люди из этой организации понятие, что произошло, чистое стечение обстоятельств, и не более.

Поскольку во многом, кроме лизоблюдства, подхалимажа, очковтирательства и услужничества, Верховайцев был дилетант, то все его дальнейшие шаги имели поступь пьяного, потерявшего разум на почве мании преследования, усугубленной не менее скверным недугом – манией величия...

Довольно долго я наблюдал и Силуянова, и Львова. Их предположение об убийстве, имело не просто почву, но попало полностью в десятку, а принятое решение скрыть правду, было своевременным...

Еще один человек, к которому приковалось мое внимание..., хотя не только внимание – он вызывал в моей душе смешанные эмоции, я, как будто не ожидал его участи я. Этот человек с седыми волосами, прежде всего, был интересен духами, окружавшими его почти всегда. Ангел, с первого взгляда, совсем не отличался от других, хотя, по моим на-

блюдениям, этих существ, одинаковых нет и быть не может! Так вот, этот казался, при более внимательном рассмотрении, чрезмерно вдумчивым. Это было странно, ведь все Ангелы всегда восторженны.

Мой попутчик, он несколько изменился, поменялось и все вокруг. Я смотрел на него и в недоумении услышал:

– Ты хоть и дух, но ты душа, и душа неприкаянная. Ничего не делай без молитвы, полагаясь только на себя, ты не один, и один никогда не был, просто ты не хотел видеть и знать. Возри на этот мир, но прежде слейся с моей сущностью, ибо никто из вас не в состоянии перенести его блеска и света... – Он влетел в меня, и я ощутил его мощь, и безвременье мира, в котором все время находился, а теперь попал и я.

Я перестал быть самим собой, все, что от меня осталось – зрение и восприятие. Сразу поняв, что так могут чувствовать только существа уверенные в своей вечности. Невероятная тяга к чему-то..., нет к Кому-то, увлекла меня. Все, что я желал – Бог! Все, что я хотел – Бог! Все о чем были мои мысли – Бог! Другого не было...

Постепенно, мое возвращалось, но возвращалось с чьи-то, прибавленными к моим, ощущениями страдания небывалого – это чувства и переживания Ангела, существа совершенно чистого, слившегося с моей несовершенной сущностью. Не выдержав его мучений, я обратился к нему с любовью неожиданной от самого себя, мысль моя дрожала:

– Как возможно быть таки чистым? Как возможно прине-

сти такую жертву ради такого, как я? Ради чего ты это делаешь?

– Не отвлекаясь, сосредоточься и найдешь все ответы в окружающем тебя... Одно слово – ЛЮБОВЬ! Она все объясняет, любовь всеобъемлющая, всепоглощающая, объединяющая, чистая. Ты поймешь, иначе твое место было бы в аду уже сейчас... – От последнего естество мое содрогнулось, и буквально сразу я почувствовал непреодолимою благодарностью к нему. Рыдая, он скорбел и стонал, но продолжал делать все возможное ради моего спасения.

Наконец, совместившись, он отчистил мой разум от мешавшего налета прошлых эмоций, раскрыв его для новых, которые предстояло впитывать и узнавать. Пространство вокруг постепенно рассеивалось, словно туман, или напротив заполнялось необычным, и неожиданным.

Еще мгновение и осознание того, что человек не бывает один, обрушилось бесспорным доказательством – все было заполнено Ангелами! Меня удивило, что далеко не все они Хранители, что некоторые из них, все же, могут радоваться, переживать, скорбеть...

Я обратил свое внимание на прежнее место и удивился – мужчина сидел с прямой спиной, опустив голову на грудь, теплая слеза ранила кожу своим влажным следом, в опущенной руке свисали перебирающиеся четки, губы шевелились беззвучно, а тишину нарушал лишь редкий глубокий вздох.

Ангел, рядом с ним, в совершенно идентичной позе, был занят тем же – молитва их была совместна. Наверное, они молились об одном и том же.

Молились двое, но голосов было гораздо больше. Я взглянул на своего попутчика и услышал:

– У нас одновременно много голосов, если бы я заговорил с тобой, когда ты был еще человеком, ты бы оглох от многоголосья, тембров, частоты и силы услышанного. Всегда мы обращаемся с похвалой к Господу, вы не способны слышать ее, а то, что способны издавать на вашем диапазоне, выглядит именно так... – Пока я прислушивался, он снова стал собой, разъединившись с моей сущностью.

Присмотревшись к комнате, ее обстановке, вещам, расположению всего в ней находящегося, я моментально начал усваивать, потерянное с перевоплощением, когда покидал свое тело. Теперь я ясно понимал – тело не просто было, но оно еще и есть. К нему тянуло, хоть в нем и не нравилось. Оно было тюрьмой, но могло стать просто домом, временным, но необходимым.

Я обязательно должен возвратиться в него..., и возвращусь, если найду в себе силы отчистить собой эту плоть, и при этом не испачкаться...

Я ясно различил на столе несколько пистолетов, и со странным ощущением отметил, что еще недавно, вряд ли смог бы это сделать, поскольку не имел памяти того мира. Вернулось не все, я не мог вспомнить, хотя бы одного чело-

века из моей прежней жизни, лишь тех из них, к кому мы направлялись вдвоем с моим Хранителем.

Итак, оружие, молитвы, совместно с Ангелом, что возможно лишь при определенной чистоте духовной – что может быть общего, между этим?

Догадка блеснула своей простотой и объяснила такой набор – воин. Несколько Ангелов молилось с ним, но лишь Хранитель пустился в его сопровождение по окончании действия. Я чувствовал, как последний старательно направлял мысли своего подопечного. Далекое не все получалось, но ведь и ситуация была не из простых.

Кажется, у человека с белыми волосами других и не бывало...

Мысли его не были хаотичны, но представляли стройную последовательность, одному ему, известных фактов по их значимости. Выходило, что некто Верхояйцев по дикому, совершенно, стечению обстоятельств, получил в свои руки жесткий цифровой носитель с некоторой, не поддающейся расшифровке, информацией, и несколько, готовых к использованию банковских счетов на предъявителя. До сути первого добраться было не возможно, да и ничего серьезного она не содержала, деньги тоже не стали причиной начатого розыска, а вот, что именно дало сбой в системе обмена, безошибочно работающей уже более сотни лет, было действительно необходимо выяснить.

Для этого не хватало самого Петра Даниловича, сошедше-

го буквально с ума от такого подарка. Не скажу, что именно с этого момента его Ангела-Хранителя заместили бесы – все происходит медленно и не заметно, и началось уже довольно давно.

Людам кажется, что они безгрешны, в то время, как они уже погибают, от последствий сделанного ими же выбора.

До этого, обуявшие его страсти, все дальше отодвигали Хранителя, приближая, духов воинствующей злобы. Что последовало после этих событий, стало падением с обрыва, дно, которого ад! Это тот самый период, когда человек, вот-вот будет принесен в жертву...

Полковник начал с попытки снять наличными, но вовремя поняв всю опасность и глупость, обратился к своему знакомому, ставшему, довольно быстро, трупом с превращенным в фарш лицом. Молодой человек, будучи геем, а по совместительству компьютерным гением, в виде платы попросил не много – приятно проведенную ночь и сто тысяч долларов, что, впрочем, было небольшим процентом от переведенных, хитрым образом, сумм на разные счета.

Вместо милиционера пожаловал старый знакомый, доставшийся Данилычу от своего покойного шефа, который очень хорошо, как он считал, умел справляться с разного рода проблемами. Его работа была оплачена с нового счета, куда «слились» отмытые и, как казалось, надежно спрятанные средства.

Появившийся в квартире, уже через несколько часов, по-

сле смерти хакера, человек с седыми волосами, направился напрямиком к компьютеру, изъясил жесткий диск, что-то вставил в одно из гнезд на задней панели, и после раздавшегося щелчка, сопровождавшегося еле слышным запахом гари, был таков.

В принципе, жесткий носитель был не столь интересен, что на нем было уже известно, как и то, куда направился внезапно разбогатевший «везунчик». Но вот делиться этой информацией, предположим, со следствием, вряд ли приемлемо...

Однако, сейчас я дух, и мне подвластны мысли. Я чувствовал какой-то подвох, разгадка которого стала возможной, лишь после нахождения мною самого Верховойцева – всего то нужно было о нем подумать.

Странное место выбрал для своего убежища этот человек. Уже в оторвавшемся от земли самолете, он, уверенный в своей звезде, увлеченно читал толстый путеводитель по африканскому Сан-Сити. Он был игрок, а Африка не очень популярна среди россиян, если только меж охотников за легкими, необычными трофеями.

Прошел паспортный контроль, он по своему паспорту, предъявив билет на Мадагаскар, сам же сел на самолет, на известный нам континент и, конечно, под другой фамилией – давно приготовленной, на всякий случай, еще по настоянию своего шефа. Документ, на имя Шеломо Пинхаса. Разумеется, гражданство Израиля, его предпочитали многие,

многие и пользовались, а сколько еще проявятся...

Это было удобно, поскольку большинство русских евреев своего исконного языка не знали, зато умели эффективно пользоваться всем, что прикладывалось. Данилыч, вероятно не догадывался о возможностях хозяев им похищенного и, считая операцию удачно провернутой, продолжал ее в том же русле. Не пройдет и несколько дней, как его внешность изменится до неузнаваемости. Единственно, о чем он будет жалеть – это о болях, мучающих его, и о страхе, охватывающем каждый раз, когда он, забываясь, поворачивался к зеркалу и видел свое неожиданное отражение.

Родственниками он не дорожил, родителей похоронил, семьей не обзавелся, друзей не имел, зато был полностью увлечен своей страстью – игрой.

Игроком он был слабым, но положение и погоны, давали некоторые преимущества, благодаря которым он часто выигрывал, правда, оказывая за это множество услуг, опираясь на свои профессиональные обязанности.

Сан-Сити была давней мечтой, побывав там раз, он не смог более думать о другой, и конечно, мысль спрятаться именно там, казалась ему не только мудрой, но и очень удобной. Одно он забывал – жизнь в этом рае для игроков постоянно проходила под камерами, а оазис, где он располагался, находился вдалеке от мегаполисов, а потому ни спрятаться, ни бежать было некуда...

Итак, я нашел бывшего адъютанта покойного генерала,

попивающим дорогой коньячок в салоне, конечно, первого класса. В карманах его был всего один испещренный записями, лист плотной бумаги. Покидая насовсем Родину, все ценное и нужное уместилось именно на нем, и представляло собой перечень данных счетов, закодированных ключей-слов, попеременно с несколькими цифрами, и два адреса: клиники пластической хирургии, и местного адвоката, удачно обдeldывающего делишки на нелегальном уровне.

В саквояже, покаящемся на полке, над его головой, кроме пары белья, некоторого парфюма, без которого он не мог обходиться, кое-чего, приобретенного в «дьюти-фри» в аэропорту, и маленькой коробочки с несколькими драгоценностями, размещались пачки зеленых банкнот разного достоинства – это на первые дни.

В аэропорту его не стали обыскивать, после предъявления специальной министерской карточки «вездехода», а по прилете в ЮАР никто и не спросит, зачем русскому еврею в африканском Лас-Вегасе столько денег...

Эти мысли были странны в такой момент. Хотя так не считали несколько бесов, отстранивших в сторону Хранителя Данилыча, скорбно сосредоточенного на молитве. Я присмотрелся и поразился показавшемуся печальному выражению этого светлого лика. Будучи уверен, что Ангелы не испытывают эмоций, я ошибался.

Взглянув на своего попутчика, я с восторгом заметил не только теплый взгляд, но и такое благорасположение и удо-

влетворенность, что охватившее меня взаимное чувство, заставило почувствовать, какую-то, пока не осознанную, вину. Эта волна отозвалась и в нем, что прозвучало в моем сознании его голосом:

– Да, когда-то ты очень долго меня так же не замечал... – Мрамор его лика чуть изменился и я впервые увидел нечто подобное улыбке. В глазах блеснули две молнии, обдавшие давно знакомым ощущением чьего-то присутствия – такое бывало на земле, и я сейчас отчетливо это вспомнил. Подобное всегда сопровождалось смешанным запахом озона и полевых цветов, появлявшегося в любых местах, вместе с охватывающими легкостью и радостью.

Я не мог вспомнить конкретных моментов, а точнее, вообще ни одного из своей бывшей жизни, но вот это вот внезапное, и как казалось, беспричинное состояние было, ощущение чего я и заполнил. Теперь меня охватило стыдливое чувство, что этого, по сути, самого близкого существа, я не только ни разу не отблагодарил, но и не замечал!

Я взглянул на него, желая стать ему другом теперь, и вдруг понял, что ни разу не говорил с ним, ни разу не просил ни о чем, хотя он этого очень желал, не принес ему ни одной молитвы, хотя достаточно было и мысли. Я не просил, но он делал, я не знал, а он не проявлялся явно, я не был благодарен, но он это переносил спокойно. До этого момента он был мне чуждым, хотя ближе него никого никогда и не было!

Я смотрел, упершись взглядом, в его грудь, волнению мо-

ему не было предела, я стонал, рыдая мысленно, ведь я был доволен обществом кого угодно, я мог наслаждаться общением со многими, я уделял массу времени на разговоры, даже с не нужными людьми, даже с теми, кто был не приятен, и я не сказал ни одно слово, обращенное к нему, моему Хранителю, моему единственному настоящему другу, не требующему за свою постоянную заботу обо мне ничего, кроме любви к Создателю. И то, не требующему, а лишь надеющемуся на это! Я произнес:

– Прости меня, наверное, ты любил меня больше, чем мать любит свое дитя, ты был мне и молитвенником о милосердии Божиим ко мне, обуянному гордыней, страстному и погрязшему в грехах. Моя плоть не давала мне возможности видеть тебя, а духовное Око чувствовать. Сейчас только я понял, мой небесный друг, что ты для меня! Прости меня неразумного, и если суждено вернуться мне в прежнее мое состояние, не позволь мне забыть этого мгновения, не позволь мне быть жестоко сердечным, и забыть, что никогда, никто из нас одиноким не бывает!... – Я говорил и замечал, как трепетали твои крылья, ликовал твой взор, светилось все вокруг тебя, ты пел десятками голосов, и восторгу твоему, пред ликом Создателя в благодарность Ему за случившееся сейчас со мной, не было предела...

Петр Данилович крепко спал, видя сон из своего детства. Улыбка ребенка осветила его, измученное пороками, лицо.

Он давно не был так чист и возвышен мыслями. Человек во сне и не помышлял, ни о какой благодарности, но сквозь белизну детства, верил, что он Шеломо Пинхас, сам себе бог, и сам себе защитник – веселись, пой душа, ибо сокровищ, собранных для тебя на земле хватит надолго!

Думая так, не ведаем мы, что этот день, может оказаться последним в нашей жизни!..

Мои мысли вернулись к прежнему своему течению, незаметно они уперлись в мое же непонимание их истоков – почему именно эти люди появились в сегодняшнем моем существовании?

Только в одном месте мог я получить ответ, и обратившись в сторону моего попутчика, услышал предваряющую фразу:

– На все воля Божия... – Этого оказалось достаточно, что бы продолжить в том же духе.

Внезапно я захотел вернуться к девочке и ее бабушке. Найдя их спящими под покровом ночи в окружении нескольких блистательных Ангелов, двое из которых были Хранителями, третий другого чина – Архангел. Последний внушал, находящейся в тонком сне, Элеоноре Алексеевне, правильный выход из давно мучившей ее дилеммы: остаться ли в столице и продолжать обучение внучки в престижном лицее, где все нравилось, что и настораживало, или воспользоваться другим предложением, исходящим от отца Иоанна?

Благодаря голосу и данным Татьяны, ее с удовольствием приняли бы в православное учебное заведение под протекторатом самого Патриарха. Обучались там только девочки, за основу был взят, когда-то существовавший Смольный институт. Этот современный «пансион благородных девиц» отличался от всех имеющихся не только полной своей закрытостью, но и основой духовной, великолепным образованием, где знания проверялись настоящими сложными экзаменами, а не новомодными тестами, типа ЕГЭ.

Для «Ляксевны» подобное решение было сложным, прежде всего, возможным расставанием с Татьяной, поскольку это был пансион, то есть, видеться со своей любимицей можно будет только по выходным.

Единственный человек, которого бы она послушала беспрекословно, был отец сиротки, но сегодня это было не возможно, поскольку тот пребывал в коме. Мнение батюшек, считавшими своим долгом патронировать эту семью, разделилось, но, слава Богу, не имело под собой спорного элемента...

Элеонору беспокоило и овладение внучкой компьютером, боясь увлечения этой пагубой, она пыталась, как-то ограничить общение с этой не понятной штукой, что было бы тщетно, не имея интереса к этому сама девочка.

Может быть, так и осталось бы все без последствий, если не одно «но», о котором знала только Татьяна...

Пройдя по отложившемуся в ее памяти, я вспоминал видимое ранее. Она играла в куклы в парилке бани большого дома, куда они каждый год переезжали на лето. При развитии воображения ребенка, полоки вполне походили на аудиторию в их лицее, и рассадив своих любимиц, будто педагог, она начинала рассказывать им все, что слышала от учителей или прочитала в книгах.

Бабушке нравилось это занятие, и она поощряла его всячески, поскольку лучшего повторения заданного в учебном заведении и придумать было нельзя.

Иногда внучка усаживала и бабушку, и посещавших их священников, и делая строгий, вид задавала им вопросы из программы лицея. Удивительно, но далеко не на все взрослые могли ответить...

И вот однажды, после такого воображаемого преподавания, Татьяна, по обыкновению, строила домик из больших подушек, приносимых из гостиной, в который, будто бы на время тихого часа, укладывала своих красавиц. Ее внимание привлек небольшой сквознячок, еле колыхавший кудри у самой любимой куклы. Поднеся ее к стене, отделанной деревом, как и положено в парилке, она обнаружила очень узкую щель.

Ее любознательность моментально победила все остальное, и вся армия ее подопечных кукол получила команду спать, а сама она, принялась обследовать пространство под полоками, оказавшееся достаточно вместительное. Забыв-

шись, она резко поднялась и ударилась головой о нижнюю часть самого высокого, который почему-то уступив, подался вверх, как крышка люка.

Оказалось, что и два другие, небольшой своей частью, так же откидываются, имея приспособления, в виде скрытых петель. Откинув все три, желавшая приключений Татьяна, догадалась, что образовавшийся проход не может просто утыкаться в стену, но должен иметь продолжение, и конечно, в этой самой стене!

Она толкнула – не получилось. Пробовала тянуть на себя, но схватить было не за что, а потому ничего не вышло. Предприняв еще массу попыток, естествоиспытатель попробовала отвести в сторону кусочек плитуса, и открылась небольшая щель, куда мог поместиться ключ...

На этом «мог поместиться «все и встало бы, будь на ее месте не дочь «Солдата». У девочки была великолепная визуальная память и острый аналитический склад ума.

Быстро вспомнив, где она видела ключи, побежала на кухню, открыла картину-тайничок, на деле шкафчик для ключей, и прозорливо схватила связочку, почти одинаковых, висевших под надписью «ставни». Этими ключами открывались несколько роль-ставень на окнах, плюс один ключ, с пометкой «мастер», он один подходил ко всем замкам этих приспособлений. Именно им Татьяна и полезла пробовать шерудить в этой замочной скважинке.

Какая-то мысль блеснула в ее умненькой головке..., и она

угадала. Как только ключ повернулся, рольставни, аккуратно покрытые такой же деревянной вагонкой, какой были оббиты стены парилки, рванула вверх, открывая бронированную дверь с маленьким белым крестиком, на голубом фоне, вместо глазка.

Девочка поначалу опечалилась, но неразгаданные головоломки имеют свойство не утихающего интереса, что стало не только тайной, которые обожают все дети, но и предметом, заставляющим ребенка, раз от раза, возвращаясь, искать ответ – что может разрешить ее любопытство. Она лишь приподняла тряпицу с рисунком очага, за которым, как в сказке о Буратино, была волшебная дверь, ведущая..., если б знать заранее, куда какие двери могут вести...

Ничего, никому не сказав о находке, она бережно хранила свою тайну, пока не появилась вещица с таким же значком, и явно не случайно!..

Почему меня тянет к этому светлому ребенку? Какое отношение он может иметь ко всем остальным персонажам, к стезям, к которым меня приводит Господь? Я видел, что находится за этой дверью, что не сказало мне, ровным счетом, ничего.

Обращаясь к моменту нахождения чадом потайной комнаты, я явно чувствовал на тот момент присутствие рядом с ребенком падшего ангела, и он желал этой находки! Ничего не может дьявол, только совратить человека на выбор в

свою пользу, он не может заставить, но с лихвой пользуется избранным.

Как понять, смотрящим, но не видящим, слушающим, но не слышащим, внимающим, но не осознающим развращенным людям современного мира, что от Бога, а что от врага рода человеческого? Сколько бы не делали для этого наши Защитники, подталкивая нас в нужное направление, мы все чаще обращаемся к другому, где проход шире, и ворота краше, где комфортнее, удобнее, приятнее, но не нашей душе, а нашему телу...

Одиннадцатый год шел Татьяне, каждый день она понемногу возилась с огромным плюшевым крокодилом – очевидцем разных событий, и хранителем той самой коробочки, вшитой, буквально перед самым арестом, ее отцом, в брюхо игрушечной рептилии. Мы мыслим, что многое в наказание, но лишь после, если дано будет, поймем – все во спасение!...

Через несколько дней, после найденной потайной двери, девочка, понарошку, разговаривала с подарком отца. Эта вещь единственная, узелком связывала их судьбы в первый день неудавшейся встречи – в день ареста ее отца. Тогда, о крокодиле забыли все, вспомнив лишь много позже.

Конечно, Татьяна понимала далеко не все, из тогда произошедшего. Очевидно было главное, что и стало первой в ее жизни трагедией – нашедшийся отец, такой желанный и всегда любимый, не сказав ни одного слова, пропал вновь, как говорили, навсегда!...

Девочка перевернула игрушку пузом кверху, как часто делала, когда хотела просто поваляться, и легла сверху. Что-то твердое уткнулось в ребра, попытка поменять положение ничего не дала, она попробовала втолкнуть мешавшее внутрь, это не получилось, зато появилась мысль, осенившая догадкой.

Быстренько взрезав шов, Танюша извлекла маленькую аккуратную коробочку из черного дерева с белым крестиком на голубом фоне. Много думать не пришлось, ноги сами понесли к заветной двери, и через две минуты она стояла посреди маленькой узкой комнатки, с находящимся в режиме ожидания, компьютером.

Вместо стула был приставлен тяжелый пластмассовый кофр с ребрами жесткости и мощной ручкой. Открыв его, дочь «ликвидатора» обнаружила, вставленными в специальные крепежи, несколько единиц стрелкового оружия, какие-то приборы похожие, то на бинокль, то на подзорную трубы, что-то напоминавшее телефон с проводами, какие-то баллоны со шлангами, несколько одинаковых пачек с мягким веществом, еще многие мелкие предметы, назначение которых она не знала и не понимала.

Но как и любое оружие, оно заворожило девочку, над чем старательно работал бес, не отходивший от нее в это время. Ангел решил эту проблему, помешав сделать что-нибудь опасное. Все это было перепрятано в подвал, где была тоже потайная комната, для безопасного размещения сразу троих

человек, и где ребенок устроил себе весьма уютную кладовую своих игрушек.

Компьютер интересовал ее меньше всего, а потому она вспомнила о нем лишь через неделю. Открыв коробочку черного дерева, от куда был извлечен ключ к потайной двери, она вынула пластмассовую табличку с символами, точно по количеству подходившими к паролю на экране монитора. Ну кто мог предположить, что это начало ловушки для незадачливого хакера случайно наткнувшегося на ту технику.

Экран погас и вновь загорелся вопросом нового пароля, который знал только владелец.

Если в течении минуты ничего введено не было, или вводилось не то «кодовое слово», программа сбрасывала имеющуюся архивную базу на неотслеживаемый адрес, а все имеющееся на жестком диске уничтожалось кислотой. Все это сопровождалось сообщением на три номера: самого хозяина в виде предупреждения о несанкционированном проникновении; на пейджер, куда поступали сообщения о всех нештатных ситуациях; кодированная команда, включающая в себя зашифрованный адрес отправки сообщения, и команда на немедленные переводы денежных средств с кредитных карт, к которым имел доступ пользователь, на другие счета.

Продукт конечной информации о переведенных финансах и адресат поступления архива, выглядел, как листок бумаги с обычным текстом, ничего не говорящим случайному человеку и стопка кредитных карт на предъявителя. Все

это запаянное в тонком конверте из алюминиевой фольги, должно было быть доставлено по назначению в определенный банк с нарочным и упокоиться в ячейке, снятой на десять лет. Дальше бывало по-разному, что случалось вообще крайне редко.

Именно этот механизм и запустила Татьяна, и ничего бы страшного, но сообщения ушедшие из точки, привязанной территориально к дому «Солдата», адрес которого был зарегистрированы в архивах, куда сливалось все полезное из материалов уголовных дел. На всякий случай, доклад об этом лег на стол человеку в форме генерал-лейтенанта с синими просветами, куривавшего в свое время Барятинского. Это была та «ветка» второго «КРЕСТА», к которому «Седой» не имел никакого отношения.

Сегодня прошло то время, когда цели обоих структурных образований могли считаться одинаковыми, хотя и составляли в сложении одно целое.

Поскольку сообщение расшифровки не поддавалось, было принято решение «поставить» дом в разработку. В начальных задачах первостепенным было – обнаружить источник и субъекта его инициировавшего.

Такие же задачи, с другой стороны, стояли и перед человеком со странным взглядом, которого, когда-то знал Алексей. Его седая шевелюра в сопровождении, все тех же, что и в квартире убиенного гея, двух молодых людей, появилась уже через день в Вешках, всего на несколько часов опередив

другую оперативную группу, посланную генералом.

Гости предприняли удачную попытку проникновения, но ничего не обнаружив, поскольку устройство уже не лучило, оставили комплекс спецтехники скрытого наблюдения и исчезли так же незаметно, как и появились...

После окончания следственных действий, вся стоящая информация по «Солдату» была зафиксирована в разных базах и поисковиках. Как только адрес дома, имя человека, имеющего к нему отношение, воспоминания о его делах, и конечно, что очень важно, его возможное отношение к «Белому КРЕСТУ», совместились, машина закрутилась. А как известно, подобные механизмы ни нравственности, ни морали не имеют, пользуются всем, что может стать материалом для строительства лестницы к намеченной цели.

С этой минуты над Татьяной и ее бабушкой повис меч, лезвие которого жаждало не столько крови, сколько жертвы. Насыщения здесь быть не могло, поскольку люди ни богатством, ни тем более властью насытиться не в состоянии...

Шеломо Пинхас

«Седой» стоял на смотровой площадке, с интересом наблюдая за полетом птиц. Он никогда прежде не испытывал такого единения с природой. Если и существовал на земле рай, то верно то, что здесь его уголок, бережно, кем-то сохраненный, и теперь представленный на его обозрение в государственном парке ЮАР, недалеко от Сан-Сити. Тут хотелось остаться навсегда!..

Я смотрел его глазами, наблюдая за его мыслями. Общая картина происходящего давно собралась в моем сознании, но не имея возможности рассматривать ситуацию с точки зрения человеческого опыта, кое что было непонятно. Да и сейчас я увлекся другим.

Как странно видит человек себя, рассматривая свой внутренний мир, через призму своих чувств и своего ощущения в пространстве. Почти ничего не обнаруживает он, кроме вещественного, ничего не желает, кроме материального, не задумывается, о чем будут его мысли сразу после упокоения, когда никому не нужное и неживое тело его, уже начавшее гнить, останется валяться, для него не важно где, подтверждая временность всего находящегося в этом мире.

Что для души и ее Ангела это брэнное тело, когда впереди Суд и Истина?...

Виктор – так звали мужчину с густой серебряной шеве-

люрой, вторящему сейчас в унисон моим мыслям. Они заинтересовали его, тем более что отношение к жизни у этого воина были специфическими. Просыпаясь, он не собирался прожить больше этого дня, хотя и строил планы на будущее. В его распорядке не было ни одной свободной минуты, поскольку «Седой» сам заполнял каждую, как человек, уверенный, что этот день последний.

Так же он относился к комфорту и всем материальным благам. Его квартира была совершенно пуста, а все же имеющаяся у него мебель, кроме одного удобного ортопедического кресла, для полулежачего отдыха, могла убедить своей пустотой, что здесь обиталище робота.

Он смог подчинить свои потребности не столько рациональности, сколько минимизировал действительно необходимое организму, таким образом, чтобы времени и любых затрат на поддержание его в нужном состоянии, уходило не больше требуемого.

Перепробовав множество практик еще в молодости, Виктор остановился, уже в зрелом возрасте, на православии, но ни как на учении, а поверив в главное – Господь есть! Никому не понять, как именно он умудрялся совмещать со своей работой заповеди Божии, и что творилось в его душе, в моменты явного противоречия, но он всегда был самодостаточен, спокоен и уверен в правильности совершаемого.

Наблюдая за текущим мыслительным процессом, далеко не в одном направлении, я явно прослеживал три: Татьяна

– дочь «Солдата»; явное предчувствие предстоящего противоборства со старыми знакомыми; прошлая его жизнь – тот промежуток ее, где было место женщине, которую он любил, но не в состоянии уберечь и защитить, потерял.

В последнем отрезке он всегда проводил параллели с «Солдатом» и вынужден был признать, что тот, будучи в сознании, в протяжении всей своей жизни, всегда пытался противостоять обстоятельствам, хотя и часто им проигрывал. Да, он любил жизнь! Но любя жизнь, он терял душу, а вновь находя ее краешек, цеплялся, обретал и вновь терял. Наконец, все же, выбрав ее!

Оборонить дочь бывшего соратника – обязанность, продиктованная понятиями чести и совести, хотя и здесь были противопоставления. На первом месте, конечно, интересы «Белого КРЕСТА», которые он поклялся защищать до последней живой клетки своего тела, и он не изменит своего мнения и направления своих стремлений, пока остается в движении хотя бы один нейрон его мозга.

Здесь его интересовал только Верхояйцев – Шеломо, попавший под перекрестное наблюдение, и если «Седого» волновал только один ответ на один вопрос, то смежники обязательно заберут его жизнь. Ответ и та коробочка, за тайной которой он гонялся со дня ареста «Солдата», он, рано или поздно получит, а судьба дальнейшая этого человека ему была не интересна.

Виктору было важно узнать: по халатности курьера доставлявшего пакет, или по халатности банковских служащих пакет попал не в ту ячейку, в сущности был нужен только ее номер...

Шеломо стоял недалеко от поручня и был поглощен битвой стервятников, происходящей над глубокой пропастью, недалеко от смотровой площадке. Он только здесь понял, что осознанная жизнь людей – ничто, по сравнению с бессознательностью живой природы!

Рядом ждала подуставшая проститутка – работа гида, ее, конечно, устраивала больше, чем привычная, но какая-то опасность, витавшая в воздухе вокруг ее клиента, интуитивно напрягала...

Мне то были видны, несколько бесов, носившихся от Петра Даниловича к двум крепышам и обратно, иногда делая круг к «Седому». Их становилось все больше, и вскоре они заполнили почти всю смотровую площадку, заменив даже выющихся стервятников.

Ангел Верхояйцева мучительно страдал от постоянного выбора последнего в сторону зла и тщетно старался подвинуть его, хотя бы к одной благой мысли, возможно, оказавшейся спасительной. Агрессия бесов становилось все больше, своим визжанием они старались заглушить молитвы Хранителя, пока вдруг все разом не набросились на одно-

го из двух молодых людей, за которыми пристально наблюдал беловолосый человек, старательно прячась в группу туристов. Он был в окружении двух Ангелов Неба и двух ангелов преисподней, и явно имел чистые помыслы и намерения.

Я почувствовал, с его стороны, даже мысль о помощи беглецу, но Хранитель внушил мне, что судьба Шеломо уже в руках Господа.

Нет, «Седой» не был святым, скорее обычным грешником, как и все, но ощущая в себе христианское сердце, давно начал задумываться, а после транслированного выступления «Солдата» на процессе, не переставал думать о своих, неожиданно открывшихся ощущениях, Чьего-то присутствия.

Предполагая нервное перенапряжение или надлом психики, он пробовал методы само распознавания и самоанализа, но не один не работал. Виктор был стабилен и нормален до безобразия, и это напрягло вдвойне. Появившуюся в нем веру, он воспринимал, скорее, как вторичное приложение к экспериментальной части интеллекта, а быв, прежде законченным материалистом и приверженцем культа психологии, имея даже ученую степень, считал удобным существование, чего-то, что заполняет пробелы необъяснимого...

С некоторых пор, этот человек, начал понимать, что его материальность – это тупиковый, для его сознания, путь. С прежним мировоззрением, и первой ступени на дороге к идеальному, нащупать не получалось. Это был очень талант-

ливый человек, умеющий не только во всем видеть границы и понимать, как не преступить их, но и сдерживался от шага, если решал не предпринимать его.

Все случилось, когда «Седой» проверяя одного из священников, которому излил свою душу «Солдат».

Батюшка оказался настоящим, сразу согласился помогать в чем угодно и как угодно, с одним условием – во славу Божию. Оказалось, что согласие было дано не на то же самое, что работать соглядатаем (ведь священник понимал к чему клонит прихожанин). В результате взглянув на протоиерея, Виктор не выдержал его чистого, святящегося неизмеримой и жертвенной любовью, взгляда, и почувствовал желание исповедоваться.

Конечно, исповедь не была похожей на исповедь раба Божьего Алексея, но произносимое обоими, перевернуло душу опытного разведчика. Тайн не было в словах седоволосого, как и событий, как и конкретики, но сожаление, покрытое раскаянием заблудшей души вывернуло ее наизнанку.

На вопрос:

– Что же мне делать отче, долг велит одно, а совесть другое?!.. Я чувствую, что гибну, но выхода не вижу. Мне кажется, что иногда передо мною подделка, и не могу определить, где настоящее, а где нет!

– И не сможешь, не ты выбираешь – тебя Господь выбирает. Ищи и обрящешь, проси и дастся, стучи и откроется! Ведь это так просто: не знаешь, что делать – молись, Господь

ведает твои нужды и подаст в самое подходящее время, конечно, если поверишь в это.

– Но что же делать с долгом..., он же есть?..

– Если долг есть, а я вижу, что ты относишься к нему возвышенно и жертвенно..., что ж исполняй его, ибо и воин по долгу своему многое делает, что не укладывается в рамки Заповедей Божиих, но и им Бог велит выполнять возложенное, но делать сверх того, убегая от ненависти к милосердию. Иди и поступай так же... – Немного подумав, священник своей рукой преклонил голову, только исповедавшегося и причастившегося Христовых тайн, к кресту, висевшему у него на груди, который он аккуратно, взяв в пальцами за самый низ, подал навстречу:

– Это Спаситель! И никто другой! От Него бегут бесы, к Нему и тянись, в Нем и Истина, и все, что тебе нужно и здесь, и там, после. Долг твой, да не станет страстью, служи Отчизне, если ей служишь... Благословляю, сын мой!... – Последние три десятка лет многие, кому «Седой» ставил задачи уже простились с этим миром. Вряд ли он стал бы, что-то менять в прошлом, но поменявшись сейчас сам, понял, что от ныне многое будет в его жизни по-другому...

Смотровая площадка, то частично пустела, то наполнялась, но пятеро не покидали ее. Какая-то апатия навалилась на Верхояйцева, он перестал воспринимать любые желания, любые звуки, не контролируемые мысли заполнили его ра-

зум, но все внимание его было приковано к танцу белого и черного стервятников. Такое впечатление, что никто, кроме него этого видел.

Птицы разлетались, кружили, падали камнем, взмывали снова, и вновь сшибались, но как-то понарошку. Ему казалось, что борются они за его гибнущую душу, нахлынуло тяжелейшее отчаяние на фоне, как будто чувствующегося, приближения смерти.

Данилыч был не в состоянии пошевелить ни одним членом, словно прикованный и замороженный у самого парапета стоял он изваянием, в ожидании результата этой схватки.

Он сходил с ума, дрожал от страха, плакал, объявший ужас сотрясал все нутро. Пот катил градом, то холодным, то сразу испаряющимся. Мертвецкая белизна покрывала его кожу, вдруг сменяясь пятнами серого, будто мрамора, и бурого, словно выплеснувшейся крови.

Слезы..., он хотел слез, он желал рыдать, но глаза то застывали, упираясь в одну точку, то судорожно бегали, ища белого стервятника. Он появлялся вовремя, в момент, когда черный устремлялся на него, но не желая победы, просто отгонял, стремясь довести беглеца до удара...

В момент, когда ясная молния поразила затуманенный ум догадкой: «они не борются – делают вид, давно договорившись погубить его» – что-то произошло между двумя, следящими за ним, молодыми людьми.

Один из них, почему-то решил действовать и буквально

влекомый, какой-то непреодолимой страстью, гонимый ложной необходимостью и нехорошими мыслями, готовый на крайние меры, осторожно направился в сторону Шелома...

Я чувствовал мысли этого человека. Прежде всего, он был наркоман, только начинающий, но уже под огромной зависимостью. Таких любили использовать нечистые на руку сильные мира сего. Очень быстро они становились отработанным материалом и оказывались, сначала, в помойке человеческого материала, а затем на погосте.

Ему необходима была доза, муки становились нестерпимы. Этому способствовали два беса, разжигавшие, один желание, другой злобу, от его не исполнения. Единственным существом, создавшим препятствие к удовлетворению потребности, стал, чувствуящий приближение, чего-то страшного, Петр Данилович.

Ничего не понимая, мужчина нерешительно двинулся в его сторону. Перестав быть профессионалом своего дела, он, второпях, решил столкнуть того в пропасть, и тем быстро кончить, вместо выполнения поставленной задачи – выкрасть и переправить в нужное место, находящемся в другом городе. Наркоману было известно, что вопрос с жизнью этого туриста был уже решен, а раз так, можно и сократить его путь на тот свет.

Второй был подчиненным, а потому просто выполнил приказ: не вмешиваться и страховать.

Момент был удачным, поскольку все присутствующие с интересом наблюдали брачные игры в огромной стае пестрых пернатых, разыгравшиеся совсем в другой стороне. Данилыч уперся в пустоту, на время, оставшись в одиночестве – дама его покинула, предпочитая ожидать странного клиента в машине.

Немного задержавшись, почувствовав, какой-то подвох, ведь не может же человек больше часа смотреть на пустое небо, Артем (так звали молодого человека), сплюнув и внимательно осмотревшись, рванул в нужную сторону, но только подбежав, и уже предвкушая действие, услышал душераздирающий крик, заставивший всех оглянуться в его сторону. Какой-то мужской голос, и мы знаем, чей, выкрикнул всего одно слово «самоубийца».

Верхояйцев опал, как подкошенный, парализованный инсультом. Растерявшийся парень, споткнувшись о него, вынужденный теперь делать вид вовремя подоспевшего на помощь. Защелкали затворы фотоаппаратов, даже послышались рукоплескания, кому-то подумалось, что крепыш успел удержать суицидника, чем спас ему жизнь.

Второй молодой человек предпочел ретироваться, и наблюдал издалека. Гнев и отчаяние охватили лжеспасителя. Хотя впрыснутый адреналин на время заместил мучительную жажду. Она возвратится обязательно, а вот не выполненное задание, скорее всего, не даст возможности добратсья до дозы, спрятанной в отеле...

Я наблюдал за происходящим и сравнивал спокойствие «Седого», с не сдержанным гневом Артема. Мне сразу стало понятно – последнему нравилось убивать, и он с удовольствием это иногда делал ради потехи. Гнев охватил его из-за неудачи, ведь он уже буквально представлял, как подтолкнет обреченного в пропасть, а дальше...

Он обладал свойством, данным своим сюзереном дьяволом – даже не глядя на свою умирающую жертву, он видел, более того, чувствовал муки расставания души с телом. Боязнь первой передавалась ему. Ужас, терзающий, теперь уже, не способную ни на что духовную часть, становился ему нектаром, сладчайшим напитком его страсти.

Артем кричал вместе с ней, изображал последние судороги, и отчаянные попытки схватиться за этот мир, чувствовал, как уходит жизнь и застывает в теле, сгущающаяся кровь. Последние нейроны, блуждающие в отмирающих нервных окончаниях, служили ему приятными мурашками, после почти оргазма от испытанного.

Он мог вспоминать это десятки раз, буквально в лицах проигрывая видимое и представляемое. Уже ощущая свою духовную гибель, отгонял он своего Ангела, радуясь присутствию слуг преисподней. Считая себя равным их предводителю, он даже не представляя, что всего лишь есть тень загубленной души, находящейся в рабстве нескольких бесов, управляющих им полностью.

Страшен смрад такого существа! Бесы напитали Арте-

ма всеми болезнями, и уничтожая теперь тело, дабы уничтожить еще один остаток от подобия Божьего, вредили и остальным, прибившимся к нему, и тоже поддавшимся их чарам.

Последней его жертвой был, как раз тот самый гей – случайное пересечение интересов и стезей, столкнули сначала с ним, теперь пострадать должен был заказчик. Как же часто случается так, что желаемое утаить, становится гласным, а «свой» человек, в котором уверен не только ты, но и бесспорно авторитетная для тебя личность, вдруг оказывается причастен к силам угрожающим тебе не шутки ради, а смерти для!

Артему было почти тридцать, без полутора лет. Пройдя одну из горячих точек, он попал в страшную переделку, сорвался и перерезал с дюжину местных жителей. Суда избежать удалось, но пришлось начать работать, сначала неофициально, на одного генерала, затем на целую их бригаду, обеспечивая транзит потока оружия, затем наркотиков, затем пленных.

Когда появилась возможность, молодого человека, в виду его качеств, ввели в штат, одного из специальных подразделений, в конце-конце, сделав из него монстра, питающегося только кровью и болью.

Страсть не бывает одинокой, она всегда приглашает других, желающих поучаствовать на шабаше, где напитком служит сок, выжатый из гибнущей души. Избирающий и по-

творствующий греху, еще в состоянии сопротивляться, и старается отгонять надоедливого и лживого, часто представляющего в виде светлого Ангела, беса – борьба это постоянна, я видел это!

Эта злобная тварь приятно нашептывает, льстит, обвиняет, указывает на то, что тебе нравится, постепенно разжигает до большого желания, превращая в неудержимую страсть. Самое страшное, что его действия совсем не заметны, ведь в них нет противодействия, напротив, он, возбуждая желания, потворствует им, помогая удовлетворять все, что угодно.

Он не знает границ в соблазнении, он податлив, лишь бы ты его слышал и начал уступать сам, приноравливается к любому твоему желанию, любой потребности, любому характеру. Он совратил и сгубил уже миллионы, и ты всего лишь проходящая мимо песчинка, и возможно, в свое время разделишь с ним страдания вечные.

Я вижу это сейчас, будучи душой неприкаянной, я ощущаю, страсти и страхи, я наблюдаю за борьбой человек, которые не в состоянии выбрать Спасителя и отказаться от сатаны, болтаясь, где-то между, думая, что смогут вовремя сделать правильный и спасительный выбор, когда выбрали уже их.

Сколько раз я наблюдал эту нерешительность, сколько раз начинал молитвы за тех, на кого обратил мое внимание Создатель, столько же раз мой Хранитель давал мне понять: «Так же и каждый из нас, пытающийся спасти и привести

своего подопечного друга в райские кущи, терпит раз от раза неудачу, но никогда, в отличии от вас, не унывает, ибо верит: «что вы, рожденные в грехах, принадлежащие поначалу вашего бытия власти духа преисподней, который, обладая вами, успевает в это время разлить тайный яд своей злобы на все существо ваше»¹.

Человек с белыми волосами приглушенным тоном разговаривал с врачом о перспективах разбитого параличом клиента страховой компании, представителем которой он являлся. Из объяснений он понял – этот, очень редкий случай, обрекает пациента на полное обездвижение до конца жизни. Ни говорить, ни двигаться, ни даже понимать происходящее он не сможет.

Предъявив доверенность от родственников Шеломо Пинхаса, проживающих в России, желающих оставить больного в здешнем санатории, «Седой», после объяснений с представителями полиции, забрал пакетик с личными вещами.

Инсульт, с какими-то осложнениями и соответствующими последствиями, приковал Петра Даниловича не только к койке, но и полностью обездвижив, сдружил его с медицинским судном, в простонародье называемой «уткой» за специфическую форму.

За заплаченные медицинскому учреждению деньги за ним

---

¹ Из «Размышления христианина, посвященные Ангелу-Хранителю на каждый день.

ухаживали, словно собирались запустать в космос. Сознавал ли он свое состояние или нет, никто из живущих сказать не взялся бы.

Дух его ожесточенно рвался на свободу, душа же находилась в страхе, все больше ощущая холодок мытарств. Какая-то часть мозга работала, причем сознание теперь более свободно могло сообщаться с подсознанием, поскольку само собой концентрировалось на всем, что было помимо тела.

Бесы, не отходя от медленно умирающего, даже не ежесекундно, а ежемоментно, мучили его постоянно предъявляемыми ему деяниями, за которые Верхояйцев уже принимал ужасные пытки. Находящийся рядом Хранитель Данилыча, молитвенно порывался прося Бога о милосердии, но находящегося на земле миловать было поздно, а наказывать больше нечем.

Впрочем, любое недомогание человека к смирению, может быть подобное во спасение – кто знает?

Душа Верхояйцева, в этом состоянии, потребовала чужих мучений, которые могли бы заглушить свои, что и нашла еще в воспоминаниях молодости, в самом начале карьеры, покопавшись в умирающем мозге. Ему мерещился двор сгоревшая машина, погибшая женщина..., еще одна, совсем молодая, несмотря на испачканное сажей лицо и полуобгоревшие волосы, ее красота возвращала и притягивала к себе взгляд. Обретение такой, судя по всему, редкой не только красотой, но характером и нравом, для мужчины, любившей ее –

счастье. Потеря же – трагедия, пережить, которую едва в состоянии, хоть кто-то из живущих.

Первую бездыханную, кажется мать девушки, держал в объятиях обезумевший пожилой мужчина, не только тело его, но душа были изранены множественными ранами. Он был воин, из тех, кто проходят и огонь, и воду без особенных потерь, и лишь теряя любимую, понимают, что пред этим врагом бессильны...

Я присоединился к этим всплывающим мгновениям, переносясь вместе с вспоминающим в то время. Будучи духом, я смог воспринимать на свой счет переживания каждого из тех людей по отдельности и вместе. Если бы я был человеком, то умер бы только от сострадания...

Вот момент, когда души, еще живущих людей, раскрываются и разрываются в минуты, обрушившегося на них понимания потери невозместимой, невозполнимой и глобальной. Вместе с этим теряется, даже свет надежды, что-либо изменить в своей душе, после чего не остается ничего, что могло бы, хоть немного, успокоить или отвлечь!

Я чувствовал каждую из них, в эти моменты наиболее убитые горем и чистые сердцем, во всем обвиняли себя и не хотели жить. Их отчаяние было столь велико, что даже не видя возможность смерти, они желали ее, прося Бога забрать их жизни, теперь кажущиеся не нужными. Они желали кончину более тяжкую и страдальческую, чем испытали их возлюбленные, и тем больше страдали, когда осознавали, что поте-

ря эта навсегда и с ней придется жить!

Молодой человек из прошлого, душа которого металась в поисках души своей возлюбленной, и не находя ее, разрывала сети границ тела, ограничивающих ее. Парню казалось, что грудная клетка вот-вот вскроется изнутри, а голова растечется на миллионы атакующих страшных мыслей, объединенных в один поток, о том, что ее больше нет.

Она лежала у него на руках, уже бездыханным телом. Вглядываясь в любимые черты лица, ему казалось, что они живут. Ум, находя все новые и новые зацепки, все невероятнее и невероятнее, в поиске, хоть какой-то надежды, воплощал их в мерцающих миражах, разжигаемых воображением. Стоило ветерку пошевелить кудри опалившихся волос, как он припадал ухом с губам и уже слыша выдыхаемое страдание, чуть ли не вскакивал, но прислушавшись снова, прибежал к другому. Желая услышать стук сердца, уже переставшего качать кровь, он все равно, он получал желаемое, но то было его сердце, теперь работающее за два...

Именно в такие моменты мы забываем о теле, и существуем только душой. Она часто, в подобных переживаниях, увлекается страстью самобичевания и саможаления. Вместо заботы о душах усопших, мы губим свои, чем делаем им еще больнее...

Вдруг, осознав в очередной раз потерю, он слизывал едкие текущие слезы с привкусом гари и буквально ревел в Небеса: «Зачем, Господи, свел Ты нас, если не оставив друг дру-

гу навечно, разлучил?!». Рядом, я видел, того самого, ныне парализованного, еще молодым и порывающимся воспользоваться моментом.

Сейчас он вопил к Богу: «За что Ты так меня, Отче?!» – продолжая наблюдать себя в прошлом, но лишь оправдывался и ссылался, на кого угодно.

Тогда Верхояйцев, даже не заметил умирающего ребенка. Чужое горе проходило стороной. Не цепляло ни тогда, ни сейчас делаемая им фальсификация показаний, усугублявшая состояние и положение всех, тогда присутствующих на месте трагедии. Судьба молодого офицера, потерявшего только что жену и теряющего сына, интересовала его, лишь, как возможность использовать этого человека в виде подставной фигуры на роль главного обвиняемого. А между тем, в его руках была та ниточка, что могла позволить будущему этого человека быть совершенно другим. Поступи он тогда по другому – получил бы сейчас второй шанс.

Кто знает, дорогу какому злу открываем мы, ради маленькой сиюминутной выгоды, причиняя человеку, не заслуженную им боль, меняя не только его сегодняшний день, но судьбы многих в будущем. Глупо думать, что все, впоследствии, происходящее, не отзовется на нашей судьбе. Но нам даже предположить страшно, что настигшее возмездие, постигло нас именно из-за такой, когда-то совершенной, мелочи.

Слуга преисподней крикнул сегодняшней мятущейся душе Данилыча:

– Помнишь, ты подсунул бумагу этому парню, заведомо написав там ложь... Он подписал ее. Дааа! Именно той самой подписью ты заключил контракт с моим господином. Он ждет тебя!

– Но ведь не я подписывал, да ии... это была не кровь!!!

– Глупец! Неужели ты думаешь, что можешь переспорить меня?! Сатана – есть дух! С душой твоей он и говорил..., а кровь! О как глупы людишки! Отвергнутую жертвенную кровь Спасителя, смешав её с кровью людей, убитых этим юношей после, а не свою, плеснул ты на папирус... О, как я рад, что ты погиб среди миллиардов тебе подобных гордецов! Во зле родился ты, злом возвращен, им же умерщвляем здесь, сейчас! Ты, во плоти гноишься ныне, но не долго..., и скоро навсегда разделишь нашу участь..., брат, погибнешь ты во пламени возмездья..., погибнешь, и воспрыв, останешься на пике мук сей гибели на вечно! Вместе мы разделим этот ужас, коль сами выбрали его...

– Нет, нет, нет, я не выбирал, я вообще ничего не делал! Это ведь не я подписал, и вообще, это работа..., я работу делал!!!... – Ужасно зрелище гибнущей и уже бесправной души, еще не совсем осознающей своё положение и будущее, точно знающей – воздание справедливое и жуткое совсем рядом. Но не это страшит больше, а бессилие, к которому, в большинстве своем, находясь в своем теле, она не привыкла.

То, что наблюдает, ощущает она, то с чем может сравнить, уже не в ее власти, здесь не возможен самообман, самооправ-

дание, самоутверждение – здесь лишь истина, и упование на милость Того, Кто отвергнут ей прежде!..

Я витал с Ангелом над тогдашней трагедией, я пережил с каждым и за каждого, кто участвовал в ней, все их страдания, и более всех со мной был созвучен, своими муками, тот самый молодой офицер, находящийся только в самом начале своего страшного пути.

Я даже не пытался разобраться в том, что делали слуги преисподней и Ангелы. Их голоса смешались, но не слились. Не дано понять душе неприкаянной одновременности вакханалии зла в радуге милосердия и милости Создателя. Нет ни у одного существа на свете возможности разобраться в подобном.

Зла нет – люди творят его сами в безграничном океане Света. Я видел, я знаю это – даже самый большой человеконенавистник на смертном одре, в самом худшем случае, безропотно примеряет на себя маску страха, и ни чем уже не страшен сам. Испытывающие же, сам по себе, ужас от прошлого, связанного с деяниями этого человека, окружающие его люди, становятся рабами этого страха, порожденного их униженной гордыней...

Запаянное в желеобразной биологической массе, не освобожденное сознание Верхояйцева, судорожно хваталось за любую возможность, хоть как-то сориентировать себя в про-

странстве, но как прежде, почему-то не получалось, а для нового чего-то не хватало. Появившийся у его постели беловолосый человек, резанул, как-то неприятно, из памяти. Данилыч вспомнил мельком виденное, когда-то – в его сегодняшнем состоянии все вспоминается, проходя не столько кинолентой, сколько полным восстановлением событий.

И почему, приходящее из прошлого, не может быть чем-то приятным, с позитивными эмоциями, что дало бы, какие-то силы. Нет, всплывало только обличающее, словно месть совести, её же голосом, ставшим сейчас многократно превосходящим прежний, когда-то отверженный, шепот, такой не выгодный, обличающий, не нужный...

Тогда, несколько десятилетий назад, этот «Седой» появился в больнице внезапно, совершенно не обращая внимание на все запреты и охрану. Что-то обговорив с подозреваемым, которого он так великолепно обработал, исчез навсегда, вырвав, из стройно подбитого обвинения, все ключевые фигуры и факты.

Первый раз Верхояйцев тогда пошел на такой грубый подлог, эта ложь даже его самого пугала, но грань была перейдена, да и важно ли было, что именно произойдет с кем-то, если у него все должно быть хорошо. И ведь стало!..

Я наблюдал за этим, мне казалось важным понять, что именно происходит в этот период с самой душой. Эта была,

не знаящая раскаяния, душонка, но поскольку Господь милостив, Он и здесь дает шанс. Но как душе, не имеющей подобного навыка, прибегнуть к самоосуждению, самооправданию, преступив через гнев привязчивой, гордыни и тщеславия.

Даже чувствуя гнилостный запах геенны огненной, окруженной слугами преисподней, не в состоянии она подняться над собой, уже понимая, что необходимо для спасения.

Ощущает она приближение забвения, что есть невозвратное состояния от противоположного края пропасти, где началом мнится ей Эдем и Врата Рая. Сейчас же, находясь между тем и другим, будто притягиваемая, то к одному полюсу, то к другому, душа, переживала заново все содеянное личностью человека, неотъемлемой частью которого была всю земную жизнь, частью от вечного и бессмертного.

Как можно побороть сон человеку, не спящему несколько дней, и вдруг, неожиданно нашедшему пищу, вкусившему ее, и теперь, в тепле и спокойствии имеющему возможность полного отдыха. Никак! Наступит момент, и сон незаметно вкрадется в сознание...

Проснувшийся, через несколько часов, даже не вспомнит, как провалился в царство Морфея. Мне пришло это сравнение на ум, хотя из своего земного прошлого я не помню почти ничего, но это ясно осозналось, поскольку я бурно переживаю сейчас, наблюдая за борьбой, происходящей в

несчастной душе Петра Даниловича. Она даже сейчас, находясь на грани, перейдя за которую, уже никогда не вернется, не желает спасти себя, отказавшись от страстей, испытать, которые даже не в состоянии. И, о ужас! Сейчас это еще тяжелей, нежели при жизни.

Мы, даже увидев воплоти Бога и чудеса Им творимые, способны сомневаться. Ещё немного, и душа его в смятении, перейдет в другой мир, где, уже понимая свою погибель, будет лишена возможности покаяния, молитвы за себя, надежды.

Все возможное – это сопротивляться нагнетающемуся сну забвения, надеясь на тех, кому ты дорог, на тех, кому помог, Бога ради, за кого заступился, отдал последнее, за кого пострадал, молился сам, что и есть богатства, скопленные на Небе в спасительной сокровищнице нетленной. Но если некому, то не выкупить ни за какие богатства мира спасение души своей у Того, Кому и так все это принадлежит.

Заступаться ни за раба Божьего Петра, ни тем более, Шеломо Пинхаса, было не кому, и постепенно, как вода в воронку втягивалось сознание обездвиженного Верхояйцева в темноту гуши, куда следом растворялась и душа грешная... Бесы разрывали ее на части, скатывали снова воедино, в безобразные, оцениваемые по достоинству только ими, формы. Сколько не просила она вспомнить об оказанных их господину услуг, ни слова не было услышано, ибо каждый из них был торжеством лжи и злобы собственной гордыни.

Видя все это, я был под тяжким впечатлением, ибо сам, будучи духом временным, находился здесь, буквально в шаге от такой же участи. Ангел мой освещал и грел меня своим светом, придавая не меркнущую никогда надежду. Я ощутил его любовь и уверенность, а понимая, что не один, перестал сомневаться... Именно в это время, каждый ощущает свою слабость, мыслью, о которой боится поделиться. Плохо, что очень быстро это настоящее забывается, и мы вновь ровняем себя с Богом!..

Взросление

«Седой» остался доволен произошедшим, и все больше убеждался, что возмездие правосудия Божия, настигает человека и здесь на земле. Четкая прослеживаемая цепочка зависимостей казалась уму неопровержимой, хотя и он мог ошибаться.

Конечно, он помнил этого милиционера, а зная полный его послужной список, не удивился его поступку. Жадность и страсть к стяжательству частые попутчики к деяниям глупым, как правило, кончающиеся плачевно.

Из имеющегося в ячейке банка, он сделал вывод, что дальнейшие усилия нерациональны, полная картина последствий прояснилась, а потому касательно этого дела осталось лишь одна забота – дом «Солдата» и его дочь – в первую очередь, и коробочка черного дерева с крестиком – во вторую.

Опасения, овладевшие им, были не беспочвенны, ибо и два молодых человека, явно имевших какие-то планы в отношении Верхояйцева, и целая оперативная группа, посетившая, интересующий дом в Вешках, а главное непонятный интерес к самой девочке, не могли быть совпадением и явно связаны друг с другом.

Он по опыту знал, что генерал ни силами, ни мыслями по воздуху не разбрасывается, а посему предположить обычную месть было бы глупо. В его интересах, скорее было бы

попытаться обработать «Солдата», что, по причинам понятным, не возможно. На неясные перспективы тот никогда не рассчитывал. Значит, было еще что-то, что предстояло выяснить. Впереди ждал путь в Москву...

Я, понимая опасения этого человека, все же не смог осознать причину их опасений. Видно отталкиваясь от своей сегодняшней эфемерной сути, я прежде всего, начинал свои мысли от окружения Татьяны одними Ангелами. Но где жертва, там и хищники, и это я ощутил сразу при приближении к дому ребенка.

Почувяв возможность, слуги преисподней слетались, предвкушая испуг, волнения, подозрения, со стороны, как пожилой женщины, так и девочки. Они не приближались, но были недалеко. Хранители блистали молниями и мечами, обжигая молитвенным пением.

Внучка, будучи спокойным и отстраненным от будничной суеты, ребенком, чувствовала, чье-то присутствие, бабушка подтвердила ее опасения, сказав, что мир их соприкасается с миром Ангелов, причем, не только небесных, но и падших. Надо молиться, поскольку не бывает всегда все хорошо, иногда Господь попускает для укрепления веры что-то, с чем человек сам справиться не может.

Люди генерала (а он был лишь веточкой большой разветвленной системы), проникнув в дом, тоже установили систему наблюдения, подобной уже имевшейся. Но в этом случае важно, кто первый. Это присутствие и чувствовало дитя.

Будто специально забыв и о потайной комнате и о спрятанном ящике, день изо дня она посвящала себя прежним занятиям и увлечениям. Оставшись в лицее, что станет определяющим в недалеком будущем, она вынуждена была заниматься и общественной нагрузкой, что постепенно втягивало ее в круговорот общественных дразг, частных меркантильных интересов, чужих властолюбия и тщеславия.

Мальчики, даже из старших классов, начали обращать на нее внимание, что не осталось незамеченным и влекло за собой необходимость выбора. Постепенно происходящее влияло на формирующееся мировоззрение, где факторами были и различные происшествия, впрочем, ни одно учебное заведение не избегает переворотов в сердцах детских или трагедий маленьких личностей. Слава Богу, подобные испытания пока обходили ее стороной, но переживания подруг и друзей, кем она воспринимала всех, хоть раз к ней обратившихся, задевали и откладывались, наслаиваясь в виде эмоций и мнений.

Отзывчивая и добрая, доверчивая и заботливая, она имела стержень жесткий и волевой, но не чувствовала этого сама, а соответственно не показывала и окружающим, пока не пришло время столкнуться с очевидным злом.

Происходящее в детских сердцах, часто не соответствует настоящему пониманию случающихся событий, от этого подростки бывают жестоки и неоправданно злы. Совершив страшное, они в последствии рассказывают об этом, как о

чем-то обыденном, словно не с ними случившемся. Поддающиеся неосознанно вполне взрослым эмоциям, не думая о последствиях, совершают деяния, вызывающие ужас, даже у тех из взрослых, прошедших страшный путь, и казалось бы, повидавших и испытавших невозможное.

Случилось так, что мальчик на три года старше Татьяны, испытывал к ней серьезные, для этого возраста, чувства. Он не находил желаемой взаимности, ощущая на себе только знаки дружбы. Все происходящее не может касаться одного человека. Связанное и спутанное воедино, отзывается на окружающих, а от них, возвращается к нам обратно.

Одноклассница Егора, не равнодушная к нему, невзлюбила свою мнимую соперницу, а чувствуя явное превосходство в возрасте и силах, решила применить свое преимущество. Подговорив подруг подкараулить девочку по дороге домой, Рита не рассчитала некоторые, казалось бы, мелочи, и вместо одиноко идущей дочери «Солдата» в «засаду» попал и провожающий ее поклонник.

Отступать уже было поздно, и девятиклассницы пошли на крайние меры, почти сразу набросившись на шестиклассницу. Девочки дерутся жестко – это не секрет, но то, что происходит, когда неконтролируемый гнев, часто беспричинный, вырывается наружу, и превращается в избиение, не поддается описанию и определению.

Татьяна не получила ни одного удара, поскольку Егор, воспитанный в семье офицера, имел понятие и о чести, и о

достоинстве, а потому не допустил расправы, переведя всю ненависть на себя:

– Рит, это касается только ее и меня, мы просто друзья, я помогаю Тане, потому, что мне это нравится... – Любая женщина, заподозрившая гораздо больше, чем дружба, даже если не имеет никакого права на этого мужчину, воспримет такие слова, как бык взмах красного плаща тореадора...

– Нннн, значит любовнички! Беспризорница и клоун! Ха-ха-ха!!!.. – Возможно дальше этого развития событий и не имели бы своего продолжения, но юноша посмел взять Татьяну по руку, поднять ее ранец, выбитый одной из подруг, из его рук, и с достоинством начал удаваться, даже не оборачиваясь.

Бурая краска залила лицо Риты, получая двойной удар – потерянная возможность обрести кавалера и позор перед подругами, уже с улыбками язвящими над ее растерянностью.

Злоба, еще минуту назад, сконцентрированная на девочке, моментально поменяла свой вектор и уперлась в спину одноклассника.

Странная возможность зла, объединяться без каких-либо предварительных договоренностей, и выплескиваться моментально, лишь получив микроскопический мимолетный позыв:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.